Пегас, лев и кентавр

Автор:
Дмитрий Емец

Пегас, лев и кентавр

Дмитрий Емец

ШНыр #1

ШНыр – не имя, не фамилия, не прозвище. Это место, где собираются шныры и которое можно найти на карте. Внешне это самый обычный дом, каждые сто лет его сносят и строят заново, чтобы не привлекать внимания.

Шныры не маги, хотя их способности намного превосходят всякое человеческое разумение, – если где-то в мире происходит что-то значительное или необъяснимое, значит, дело не обошлось без шныров. Постороннему человеку попасть на территорию ШНыра невозможно. А тому, кто хоть раз предал его законы, вернуться назад нельзя.

Шныром не рождаются. Никакие сверхъестественные дарования или родство с волшебником для этого не нужны.

Выбирают шныров золотые пчелы, единственный улей которых находится на территории ШНыра. Никто не знает, кого пчела выберет в следующий раз и, главное, почему.

Дмитрий Емец

Пегас, лев и кентавр

Книга – это вечная мысль. Рука, протянутая через десятилетия и века, когда рядом невозможно найти собеседника.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Дорожные знаки разведчика

Кодекс ШНыра

Когда тебе больно, не корчи из себя страдающего героя. Нужно или плакать в голос, или терпеть. Ты можешь дать всё другим, но ничего себе. Потому что ты шныр!

Наедине с собой ты будешь рвать зубами подушку, расшибать кулаки о стены. Но на людях ты будешь улыбаться. Потому что ты шныр!

Всякий нырок оплачивается жертвой.

Чем меньше жертва и способность к жертве, тем меньше возможности закладки, которую ныряльщик способен вытащить. Жертва не может быть больше, чем человек способен понести.

Для того, кто использовал закладку для себя, повторный нырок невозможен.

Никогда не нырявший или отказавшийся от нырков шныр может оставаться в ШНыре, но использовавший закладку для себя – никогда.

Самый тяжелый нырок всегда первый. На первой закладке шныр всегда испытывается максимальной болью.

На территорию ШНыра не может проникнуть ни один человек, окончательно утвердившийся во зле и его ценностях или ощутивший себя явным добром. Это не мы так решили. Просто так есть, было и будет.

Новых шныров выбирают не люди, а золотые пчелы, единственный улей которых находится в ШНыре. Почему пчелы выбрали именно вас – мы не знаем, потому что когда-то точно так же они выбрали и нас. Хотя в отдельных случаях можем догадываться. Но догадываться не означает знать.

Случайно раздавить золотую пчелу нельзя, но ее можно предать. В этом случае она умирает.

Глава 1

Работа – лучшее лекарство от вирусной любви

Принцип всякого продвижения: дойти до своего абсолютного предела и сделать один ма-а-аленький шажок вперед.

Из дневника невернувшегося шныра

Пятого декабря в Москве повалил снег. Прежде он выпадал с избирательной пугливостью: на крыши машин, парковые скамейки, гаражи и трансформаторные будки. Сейчас же снег приступил к делу серьезно и посыпался так густо, будто где-то в небе гиелы – крылатые полугиены-полульвы – одновременно распотрошили десять тысяч подушек. Крупные снежинки не порхали, а солидно, как немолодые несушки, рассаживались каждая на свое место.

Движение остановилось. Светофоры подмигивали сами себе, дирижируя белой симфонией. Ехать стало некуда. Дороги исчезли. Автомобили отмахивались дворниками, на глазах превращаясь в сугробы. Как часто бывает, в стаде машин обнаружился истерик, который раз за разом нажимал на сигнал и гудел долго и

сердито, непонятно что и у кого требуя.

На строительной площадке прожекторы били снизу в подъемный кран, и три столба света, пронзая белое пространство и смыкаясь, показывали абсолютную его бесконечность.

Когда начался снегопад, два молодых человека и девушка стояли на залитой электрическим светом площадке у метро и потешались над загадочной надписью «Мясо курц в лаваше». Это были Ул, его девушка Яра, большеротая и улыбчивая, и его лучший друг Афанасий.

Ул стоял, сунув большие пальцы в карманы – любимая его поза. Среднего роста, не мускулистый, но литой, точно из дубового пня вытесан. Двадцать неполных лет, короткий шрам на верхней губе (результат пропущенного удара велосипедной цепью в парке им. Макса Горького), русская кровь с примесью калмыцкой, двести сорок два рубля в кармане, широкий размах плеч и ботинки сорок третий номер. Вот и весь наш герой. Знакомься, читатель!

Афанасий на полголовы выше и на полгода младше. Таких, как он, часто называют красивыми. Худощавый, с узкими плечами и длинными жеребячьими ногами. Волосы льняные, как у немецкого принца, у которого королевство такое маленькое, что ему то и дело приходится срываться с трона и ловить кур, чтобы они не пересекали государственную границу.

Афанасий смеется, но на душе у него скверно. Он жалеет, что вообще поехал сегодня в город. Как правило, Афанасий избегает Яры, однако сегодня все произошло против его воли. Вместе добрались до города, вместе сели в метро. Станция конечная, притвориться, что тебе в другую сторону, – невозможно.

Пока они ехали, Афанасий смотрел на своего двойника в окне поезда. По лицу двойника ползли бесконечные провода в черной оплетке, а на груди было написано: «Места для женщин с детьми и инвалидов».

Афанасий старался не слушать, о чем говорят Ул и Яра, но чем больше старался, тем сильнее обострялся слух. Болтали они о совершенной ерунде, но Афанасий все равно ощущал себя гадом, подслушивающим у щелки. Каждое слово казалось ему значительным, содержащим тайную, скрытую от всех нежность.

Изредка кто-нибудь из них вспоминал об Афанасии, обращался к нему и задавал вопрос. Афанасий отвечал с ненужной старательностью, хотя знал, что вопрос был задан только затем, чтобы не выключать его из общения. Мол, если мы втроем, то и говорить надо втроем и никак иначе. Афанасий делал всё, что положено уважающему себя третьему лишнему: улыбался, отшучивался, но ощущал, что его разрывает. Ему хотелось завопить и дернуть стоп-кран. Пусть все повалятся друг на друга, а ему на миг станет легче.

Сознание Афанасия спешно искало лазеек. Внезапно он вспомнил, что ему надо купить крышку на объектив. Два года фотоаппарат – надежный тридцатилетний старикан «Зенит», который он ставил выше всяких цифровиков, – отлично жил без крышки, а тут вдруг хозяин осознал, что это в корне неправильно. Технику надо беречь. Он выскочил на «Пушкинской», а эти двое взяли и выскочили за ним следом. Наверное, среагировали на закрывающиеся двери.

– Нам не хотелось тебя бросать! – заявил Ул.

Афанасий едва не зарычал. Ул так и лучился дружелюбием. Афанасий знал, что если он сейчас оступится и улетит на пути перед поездом, то Ул, не мешкая ни минуты, кинется за ним и будет пытаться его вытащить. И от этого Афанасию становилось тошно. Правда, как предатель он еще не состоялся, но ему казалось, что, полюбив Яру, он нанес их дружбе удар в спину. Нельзя изменять и предавать даже в шутку. Это опаснее, чем взобраться на табуретку, накинуть себе петлю на шею, а потом попросить кого-нибудь вышибить эту табуретку и сбегать на кухню за стулом, потому что на стуле стоять удобнее.

Пока Ул не встречался с Ярой, Афанасий относился к ней спокойно. Если она ему и нравилась, то не больше, чем еще три-четыре девушки. В его внутреннем списке Яра шла даже не первым номером.

Затем Ул с обычной для него решимостью, не раскачиваясь и не сравнивая, выбрал для себя Яру, чтобы любить ее «пока смерть не разлучит нас». И Яра как-то сразу это ощутила и отозвалась, хотя Ул никогда не произносил пылких речей. И тогда впервые на Афанасия – бойкого, неглупого, уважающего себя, свое красноречие и ум – дохнуло невыразимой внутренней правдой, которой не нужны слова. Если она, эта правда, есть, то всякая девушка ее почувствует.

Поначалу Афанасий, на правах лучшего друга, к Яре отнесся критически. Ему не нравилось, что Ул всюду ее с собой таскает, а она ходит и молчит, как робкая мышка, из которой вот-вот вылупится кошка. Это был еще тот период, когда третьей лишней была она. Затем, хотя внешне ничего не изменилось и Ул кидался к нему все так же радостно, Афанасий начал ощущать, что его постепенно задвигают в область декораций.

Дальше все пошло по нарастающей, и Афанасий увяз, как оса в варенье. При этом, будучи человеком внимательным и не упускающим случая покопаться в себе, он смутно ощущал, что любовь у него не настоящая, т. е. родившаяся независимо, а вирусная – возникшая из чувства конкуренции. Вырастить любовь самому сложно. Это как создать с нуля новый вирус гриппа, когда вокруг все здоровы. Заразиться же чужой любовью можно после одного чиха.

Но хотя любовь и оказалась вирусной, несчастен он был по-настоящему. Причем несчастен вдвойне, потому что вместе с девушкой, которая его не любила, мог лишиться и друга.

«Если бы Ул знал… – мрачно думал Афанасий. – Ну а что бы он сделал, если бы знал? Смог бы бросить Яру в мешке в море ради нашей дружбы?»

Яра, пока не брошенная в море, развила невероятную активность. Протащила бедного Афанасия через кучу магазинов и нашла-таки крышку для объектива, подходящую по диаметру. Заставив Афанасия порадоваться на полную катушку, счастливая парочка затянула его в кафе, где он выпил кофе и изжевал от тоски края картонного стаканчика.

Потом Афанасию предложили прогуляться по бульварам, и он согласился, хотя зимой гулять по бульварам удовольствие в два процента от нижесреднего. Афанасий пинал носком крышку от пластиковой бутылки и, провожая взглядом прыгающий красный, с белым брюшком, кругляшок, грыз себя. Где он ошибся? Может, они с Улом взяли слишком высокий темп дружбы? Когда слишком быстро достигнешь накала, впоследствии сложно его удержать. Играть же на понижение уже нельзя. Дружба этого не прощает.

Два часа Афанасий тащился рядом, то обгоняя, то отставая.

– Я ее родителям так и сказал: «Она у вас абсолютно неразвитая, хотя и красавица! Человеку скоро двадцать, а он до сих пор вечерами присасывается мозгом к телеканализации!» А ее папа, полковник разведки, мне: «Ты сперва женись, а потом перевоспитывай!» – говорил он, размахивая руками.

– А поехали к ней прямо сейчас! Рванем куда-нибудь вчетвером! – жизнерадостно предложил Ул.

Афанасий на секунду замолчал.

– Да запросто! – Он схватился за телефон, но в последний момент с сожалением оторвал трубку от уха.

– А, я забыл! Сегодня не может! У нее курсы, – сказал он.

– У нее всегда курсы. То МИД, то МГУ, то какие-то академии, – заметил Ул.

– А ты как хотел? Ну, может, хоть эти будут последними. Тогда и встретимся, – выразил надежду Афанасий.

Тут он лукавил, потому что знал, что курсы у его девушки будут продолжаться вечно. Ну или хотя бы до тех пор, пока сама девушка не появится в природе.

Пока же существовало только имя (Виктория), фамилия (дальновидно не засвеченная), квартира на Большой Никитской, важные родители и фотография сногсшибательной красавицы. Придумалась Виктория как-то случайно, всплыла из деталей, прорезалась из небытия, и теперь весь ШНыр знал, что у Афанасия где-то в городе есть девушка, которая ради него готова пешком пойти в Сибирь и только ждет момента, пока известная фирма выпустит новую коллекцию зимней обуви.

Временами Афанасий ощущал, что начинает путаться в деталях, и, спохватившись, принимался продумывать обстоятельства разрыва с Викторией. Трагическая гибель? Роковая измена? Отъезд папы разведчиком в Гондурас с дочкой-шифровальщицей и женой-снайпером?

Пока же счастливый возлюбленный шифровальщицы из Гондураса брел за девушкой друга и пытался убедить себя, что ему не нравятся ее ноги. И вообще радовался, что она почти всегда ходит в камуфляжных брюках, которые каждую девушку автоматически превращают в боевого товарища.

Всю осень, в любой свободный час, Ул и Яра бродили вдоль Москвы-реки и, глядя на громыхавшие эстрадными мелодиями прогулочные трамвайчики, обзывали их музыкальными коробками. Один из них Ул обстрелял яблочными огрызками. Одновременно с тем, как третий по счету огрызок ударился о борт, трамвайчик выбросил темный и вонючий дизельный выхлоп.

– Йехxxу! Я его подбил! – заорал Ул, и они долго бежали следом, пока, устав, не упали на траву.

Было холодно. Мокрые листья липли к спинам. Изо рта на сильном выдохе вырывались «горынычи». Двое лежали на газоне и представляли себе море в тех тихих во внесезонье крымских городках, где в восемь вечера жизнь замирает, звонить уже неудобно и только робкие велосипедные воришки шмыгают по узким каменным дворам, пахнущим давним присутствием кошек.

Это воображаемое море было лучше настоящего, потому что рождалось в их любви. В их московском море из вспененной воды торчали ржавые зубы старых причалов. Волны бежали вдоль выщербленных ступеней набережной. На старом карантинном причале таможни по ночам горел прожектор. Сытые чайки, как куры, прогуливались по парапету. Наглые воробьи кувыркались в прибое, там, где над гниющими водорослями роились мелкие мушки и торчал хвост разрубленного винтом дельфина.

Тогда Яра и стала Ярой. Во всех документах и ведомостях, разумеется, осталось прежнее «Ярослава». «Яра» было как клеймо Уловой собственности. Экономя звуки своей речи, Ул вечно всех сокращал, начиная с себя. Казалось бы, что длинного в имени «Олег»? Зачем превращаться в Ула?

Про любовь Ул почти не говорил. Когда она есть, говорить о ней необязательно. Разве что ляпал что-нибудь в стиле: «скажи это нашему внуку!» Зато обожал жизнеутверждающие истории. Ну, например, как один парень пошел в аптеку за градусником. На обратном пути на него напали два мужика. Он стал отбиваться, и в драке получилось так, что градусник воткнулся одному мужику в рот и там

сломался.

– Прям со всей ртутью! Сечешь?

Яра секла.

– А как же он в рот воткнулся?

– В драке всякое бывает. Может, зуба не было. Может, еще как-то… И не такие тупые случаи бывали! – говорил Ул, и Яра верила, что так оно и есть.

Чем тупее случай, тем он ближе к правде. И, напротив, чем романтичнее, тем дальше. Недаром книжки про принцев на белом коне чаще всего ставятся опытными библиотекаршами в раздел «развивающая литература про животных».

Изредка они отправлялись к сестре Яры, у которой был сын двух с копейками лет. Сестра моментально упархивала куда-то, а Яра отбывала повинность тети.

– Жили-были мышка-норушка и лягушка-квакушка! – вещала она.

Диатезный карапуз сказок не ценил. Он моментально утрачивал внимание и начинал швыряться картошкой.

– А ну, слушай давай! Кому самая красивая девушка в мире рассказывает про мышку-наружку и лягушку-прослушку? – мрачным голосом говорил Ул.

Ребенок замирал. Рот начинал опасно кривиться.

– И зайка-попрыгайка! – продолжала ворковать Яра.

– И зайка-доставайка! – поправлял Ул. – Короче, жила вся эта братва в некотором царстве – некотором государстве, а именно на станции метро «Савеловская», недалеко от компьютерного рынка, и питалась говорящими тараканами без музыкального слуха.

Так текли дни этой восхитительной осени. Временами на прежде серьезную, почти строгую Яру нападало дурашливое настроение.

– Всё для меня сделаешь? И глаз свой рукой потрогать дашь? – коварно спрашивала она.

Ул был счастлив и втайне боялся своего счастья, понимая, что смешон, как влюбленный пес бойцовой породы.

* * *

В ту предснегопадную прогулку Яре и Улу все было дико смешно. Смешные люди гуляли по смешным улицам и с глубокомысленным видом делали потешнейшие вещи: покупали, отвечали на звонки, пугливо посматривали на небо и поднимали воротники. Топталась на одном месте замерзшая женщина с тележкой, продававшая телескопические устройства для прочистки засорившихся раковин. Устоявшиеся семейные пары вежливо шипели друг на друга или переругивались взаимно уставшими голосами.

А потом вдруг хлынул снег, и всё куда-то скрылось. И площадь, и метро, и «мясо курц» в лаваше, и женщина с тележкой. Остались гудки машин, короткие заблудившиеся полоски фар и они двое. И в ту минуту, когда весь мир состоял из одного снега, Ул поцеловал Яру. Поцеловав же, потерся носом о ее нос. Яре это понравилось. Они стояли и терлись носами, как лошади. А между носами пытался проникнуть снег.

– Ну я пойду! – долетел сквозь снежную пелену голос Афанасия.

– Куда?

Афанасий хотел сказать, что совсем уходит, но вместо этого буркнул: «Воды куплю!» – и отошел к киоску. Ул услышал досадливое восклицание: то ли на него налетели, то ли он на кого-то налетел.

– Странный он сегодня! Что-то его грызет. Наверное, ревнует, – серьезно сказала Яра.

– Кого? – озадачился Ул.

– Тебя. Вчера ты был его, а сегодня мой.

Ул склонен был считать, что он свой собственный.

– Может, это из-за нырка? Терпеть не могу быть проводником. Случится что, потом вовек себе не простишь, – предположил он.

– А кого он ведет? – спросила Яра, собственническим движением сметая с плеча Ула снег.

– Дениса.

– Афанасий не может быть проводником. Надо, чтобы у него всё улеглось. В таком состоянии ему не пробиться через болото! – сказала Яра решительно.

Ул долго смотрел на нее, потом кивнул. Лучше заживо телепортировать в мясорубку на колбасном заводе, чем застрять в болоте. Конечно, Афанасий будет хорохориться, но пускать его нельзя. Яра права.

– Давай, я сам поведу Дениса! – предложил Ул.

Яра цокнула языком.

– Ты не можешь. У вас разная скорость прохождения.

Улу нечего было возразить. Прохождение не зависит ни от возраста, ни от пола. Утюг и перина не будут погружаться с одной скоростью, даже если они равного веса.

– А кто тогда? – спросил Ул озадаченно. – Афанасий отпадает. Я тоже. Кавалерия вообще погружается как игла. Может, Макса попросим или Родиона?

– Не надо никого просить, – сказала Яра. – Проводником пойду я.

Ул встревожился.

– Ты никогда не была проводником! Это совсем не то, что шнырить самой! Я против.

– Надо же когда-то начинать. Я поговорю с Кавалерией, а ты с Афанасием. Идет? – просительно сказала Яра.

Ул задрал голову, открыл рот и стал ловить снежинки. Яра представила, как у него в желудке вырастает сугроб.

– Скажи! – потребовала она.

– Что я согласен? Я не согласен!

– Ну скажи!

Ул проглотил снег.

– Не мешай! Не видишь: человек питается.

– Пожалуйста!

– Ну хорошо: говорю, – неохотно уступил он. – Довольна?

– Нет. Скажи еще, что ты меня любишь!

Ул нахмурился.

– Не вымогай!

– Скажи! – настаивала Яра.

Он перестал ловить снежинки. Лицо у него было мокрое. Только на бровях снежинки не растаяли.

– Я не умею такого говорить! У меня язык замерз.

– Не выкручивайся! Повторяй: «Я тебя…»

– Ты меня…

– ОЛЕГ!

Яра попыталась его придушить, но шея у него была слишком мускулистая. Своими жалкими потугами она только доставила Улу удовольствие. Слово «люблю» Ул всегда произносил под величайшим нажимом, утверждая, что чем реже его произносишь, тем большего оно стоит.

– А зачем ты прятал по всему городу розы и подбрасывал координаты? Одну розу я нашла в старой голубятне на «Савеловской», другую на чердаке двухэтажного дома на Полянке! Отвечай!

Ул наклонился, зачерпнул снег.

– А на «Войковской» не нашла? Так я и думал.

– Сознался! Ага!

– Не ага. Я просто видел, как её подбросили, – выкрутился Ул.

– Кто?

– Неизвестный в черной маске. Я преследовал его, загнал в угол, но он выпил кислоты. Остались дымящиеся шнурки. – Ул быстро посмотрел на негодующее лицо Яры и внезапно предложил: – Хорошо. Давай я это проору!

Прежде чем Яра его остановила, он вскочил на какой-то ящик и, держась рукой за столб, крикнул сквозь снег:

– Человечество, ау! Это моя девушка! Вот эта, в зеленой шапке! Ее не видно, потому что она за столбом прячется!

– Я не прячусь! – возмутилась Яра и, воспользовавшись тем, что он стоит на одной ноге, дернула его за щиколотку.

Ул полетел боком. В воздухе извернулся, как кот, перекатился и вскочил. Кому-то могло показаться, что он переломает себе все кости. Но это – если не знать, на что способен шныр и что такое шныровская куртка.

– Соображать надо! Асфальт всё-таки! – возмутился он.

– Я бы тебя навещала в больнице. Приносила бы в баночке геркулес и овсянку! – обнадежила его Яра.

– Постой! – быстро переспросил Ул. – Ты действительно считаешь, что овсянка и геркулес – это разные продукты? Хорошую мать я выбрал моим бедным детям!

– Чего-о??? – возмутилась Яра. – Каким таким детям?

Подошел Афанасий с минеральной водой. Вода была ледяная, а сверху на бутылку садился снег.

– Никто не хочет? – спросил он с надеждой.

Никто не хотел. Тогда Афанасий, мучаясь, отхлебнул сам, и у него сразу замерзли десны.

О чем-то вспомнив, он расстегнул рукав и озабоченно посмотрел на кожаный шнурованный щиток на левой руке. Похожий на средневековые наручи и продолжавшийся от запястья до локтя, щиток был украшен мелкими литыми фигурами. Птица с женской головой; подозрительно коротконогий кентавр; пучеглазая дамочка с раздвоенным рыбьим хвостом; лев, напоминавший пухлого оскаленного кота. Таким мог представить льва тот, кто никогда живых львов не видел, зато от пучеглазых дамочек с рыбьими хвостами отбивался острогой.

Рисунки переплетались и, чередуясь с виноградными гроздями, образовывали защитные пластины, жестко закрепленные на грубой коже. Единственное, что удивляло, – разный цвет металла. Пучеглазая дамочка была тусклая, зато оскаленный лев, кентавр и птица пламенели, будто их отлили минуту назад.

– А почему русалка погасла? А, ну да! Мы же выкрали из гипермаркета селедку и запузырили ее в Москву-реку! – припомнил Ул.

– Зеркального карпа! Твоя, между прочим, идея! – поправила Яра.

Увидев, как он разевал в аквариуме рот, Ул предположил, что он кричит: «Оооо! братья, я в засаде!» Коснулся русалки, и в гипермаркете стало одной рыбиной меньше, а в Москве-реке одной больше.

Ул сдул со щеки Яры снег.

– Ну идем, снежная баба, заряжать нерпь! – задиристо сказал он.

– Сам ты снежный дед! – огрызнулась Яра.

Они быстро пошли к переходу. Откуда-то вынырнул крупный лохматый пес, побежал следом и принялся яростно их облаивать. Ул остановился, и пес остановился.

– ЧУДО! Былиин! Ну и что дальше? Никак не ага? – поинтересовался Ул.

Что дальше, пес и сам не знал. Жизненные планы у него были размытые. Он смутился, но сразу перестать лаять не смог и, несколько раз взбрехнув, неторопливо ретировался. Афанасий попытался угостить пса водой, но тот только мельком обнюхал горлышко.

Подземный переход был полон людей. Многие стояли на лестнице и трусливо высовывали головы.

– Закончился? Не закончился? – спрашивали они каждую секунду.

Яре стало смешно: толкутся в выкопанной под дорогой яме и злятся, что не могут пробиться в свои многоквартирные норки. Ул шагал впереди, как ледокол, ломая толпу широкими плечами.

– Позвольте вас протаранить! – просил он вежливо.

Афанасий пристроился за Улом и пользовался проложенной дорогой. У Яры тактика была иная – там, где Ул продавливал, она скользила ужом. Ближе к центру перехода Ул преисполнился необъяснимой вежливости и стал пропускать встречный поток. Для этого ему пришлось прижаться к стене, выложенной сероватой плиткой. Ул зацепил плитку рукавом и проследовал дальше. Несколько секунд спустя в том же месте оказался Афанасий. Он особо мудрить не стал: перекинул бутылку из левой руки в правую, дотронулся до стены и быстро двинулся вперед.

Коснувшись плитки там же, где и Ул с Афанасием, Яра ощутила покалывание в запястье и легкий жар, поднявшийся от пальцев к локтю. Убедившись, что нерпь заряжена, она хотела немедленно оторвать руку, но тут ее зацепили, и она чуть замешкалась.

На улице на Яру налетела девчушка лет восьми. Отскочила как мяч, но тотчас прогнулась назад и любознательно уставилась на рукав пальто. Рукав сиял, будто охваченный огнем.

– Снег! – сказала девчушка.

Снег, падавший на рукав Яры от локтя и ниже, мгновенно исчезал. На прочих же частях пальто лежал крепкой белой крупой. Яра поспешно спрятала руку за спину. Упрямая девчонка топталась рядом и уходить не собиралась.

Яру спас вернувшийся Ул. Подойдя сзади, он погладил любопытное дитя по затылку.

– Маньяка видела? Пошли, покажу! – предложил он добрым голосом.

Дитя унеслось короткими рывками, часто оглядываясь и поскуливая.

– Ну разве я не гаджет? Ребенка испугал! – самодовольно заявил Ул.

Он отозвал Афанасия и сказал ему про завтрашний нырок. Афанасий заартачился, особенно когда узнал, кто пойдет проводником вместо него. Обычно покладистый, здесь он проявил просто ослиное упрямство.

– Чудо, былиин!!!! – сказал Ул, по-медвежьи сгребая его за шею. – Да послушай ты меня! Ты не в форме. И сам застрянешь, и новичка угробишь! У меня есть девушка и есть друг! И вы нужны мне оба!

Станция метро неожиданно вынырнула красной буквой «М» на бортике перехода. Рядом стояла замерзшая старушка в пушистом платке, почти уже превратившаяся в сугроб, и продавала пророщенные фиалки в майонезных стаканчиках. Стаканчиков было четыре. Яра купила все, чтобы занять Улу руки и лишить его возможности обниматься в метро. Правда, Ул выкрутился и нагрузил фиалками Афанасия.

– Тебе же все равно! – сказал он.

Сверху по эскалатору запустили пивную банку. Яра о чем-то размышляла, и ее лицо временно пребывало в неподвижности. Зеленая лыжная шапка ей не шла. Лицо казалось мальчишеским, грубоватым.

Афанасий подумал, что она некрасивая, и принялся взращивать в себе эту мысль. Как всякий человек, сражающийся с вирусной любовью, он имел в сердце особую коробочку, в которую заботливо собирал недостатки Яры. Когда любовь нестерпимо жгла, он обычно, как уголек, раздувал какой-нибудь недостаток, пока тот не начинал казаться непереносимым.

Примерно к середине эскалатора Афанасий окончательно победил любовь и самодовольно выпрямился, ощущая себя свободным. Но тут Яра оживилась, заговорила, заулыбалась. Афанасий, уверенный, что его уже ничего не прошибет, высокомерно взглянул на нее, и… ему захотелось выть.

Вагон был нового типа, обшитый белым пластиком. Без вкусных уголков для стояния рядом с дверью. Афанасию из-за фиалок нечем было держаться. Его болтало из стороны в сторону, а Ул ловил его за ворот.

– Видишь, как тебе повезло, что я у тебя есть? – спрашивал он, а потом вдруг крикнул на весь вагон: – Эй, люди! Я счастлив! Это мой друг, а это моя девушка!

Суеверная Яра дернула его за рукав.

– Тшш! Молчи!.. Счастье спугнешь!

Лучше бы она промолчала. Улу моментально захотелось противоречить.

– Эй! Счастье! Ау! – заорал он.

– Ку-ку! Ушло уже я! – нетрезвым голосом откликнулся проходящий рядом человек.

Спина у него была полосатая, как у зебры, с четко отмеченными ступеньками. Вагон тронулся и медлительной гусеницей пополз в тоннель.

Глава 2

Крыло друга

Когда человек не отказывает себе в удовольствиях и получает их слишком много, он к ним привыкает и перестает что-либо ощущать. Удовольствий ему требуется все больше, каких-нибудь изощренных, фальшивых, и заканчивается все неминуемой деградацией. Если же удовольствия, напротив, постепенно ограничивать, то с каждым днем будут открываться все новые. Настоящие. Даже простой капле воды, или солнцу, или пятиминутному отдыху в походе радуешься просто с дикой силой.

Из дневника невернувшегося шныра

В пять утра Ул встал проводить Яру. Он поднялся наверх, затем снова спустился и, срезая путь, пошел галереей. Шаги далеко разносились по длинным пустым коридорам ШНыра. В столовой не было ни души – даже сердитой старушки Суповны, которая, непрестанно ворча и жалуясь, что ей никто не помогает, не подпускала никого к плите на десять метров.

Однако и без Суповны ее присутствие ощущалось. На центральном столе стояло верное средство от сна: три кружки с крепким чаем, соленый огурец и тарелка с круто посоленным черным хлебом. Одна кружка была пустой.

– Значит, Денис уже в пегасне, – сказала Яра, появляясь вскоре после Ула. Она вечно опаздывала, но опаздывала культурно: минут на пять.

Ул кивнул и посолил огурец.

– Люблю все соленое! – сказал он про себя. – Хотя что можно подумать о человеке, который солит соленый огурец? Какой-то минерал недоделанный!

Сидя в полутьме, Яра большими кусками откусывала черный хлеб, прихлебывала чай и разглядывала толстую пачку фотокарточек, небольших и крепких, как игральные карты. Снимки были сделаны частично скрытой камерой, частично с помощью телескопического объектива.

– Это только за последнюю неделю. Что общего у системного администратора, учительницы физкультуры, театрального осветителя, студента, сторожа из котельной и глухого парня, бывшего музыканта? – спросила она, пряча от Ула снимки.

– То же самое, что у пожилого астролога, мрачного нелюдима с зонтиком и уважаемого законом бандита с пальцами, похожими на сосиски. Но с этими мы раньше не сталкивались. Значит, ведьмари набирают новых. Расширяют резервы фортов, – мгновенно отозвался Ул.

Яра перестала жевать хлеб.

– Ты что? Знал?

– Несложно догадаться. Театрального осветителя фотографировал Афанасий. Потом показывал мне царапину на куртке. Утверждает: в него выпалили из шнеппера, – сказал Ул.

– Лучше б они были вампиры, – вздохнула Яра.

– Мечтать не вредно. Будь они вампиры, мы закрыли бы вопрос за неделю силами восьми-девяти пятерок. Или обратились бы к вендам. Но они не вампиры, и этим все сказано, – отрезал Ул.

Он вышел первым и остановился на крыльце подождать Яру. Внезапно громадные руки сгребли его и оторвали от земли. Ул болтался головой вниз и созерцал большеротое существо в расстегнутом бараньем тулупе.

У крыльца, пошатываясь, стоял гигант трех с половиной метров ростом. Это была живая достопримечательность, казус, оживленный кем-то из отцов-основателей ШНыра. Днем он укрывался в Зеленом Лабиринте, ночами же топтался вокруг ШНыра. Несколько раз в животе у него находили пропавших девушек, а один раз даже самого Кузепыча.

– Я Горшеня – голова глиняная, пузо голодное! Я тебя съем! – сообщил гигант. Слова он проговаривал медленно и вдумчиво.

– Подавишься! Давай, я разбегусь и запрыгну! – предложил Ул.

Горшеня некоторое время пережевывал эту мысль, а затем разжал руки. Ул воткнулся головой в сугроб. Горшеня отошел на шаг и доверчиво распахнул огромный рот. Четыреста лет подряд он попадался на одну и ту же уловку.

За ночь снег подтаял и хорошо лепился. Ул скатал снежный ком и забросил Горшене в рот. Когда Горшеня стоял с разинутым ртом, он ничего не видел, потому что две янтарных пуговицы, служившие ему глазами, откидывались вместе с верхней половиной головы.

Горшеня захлопнул рот.

– Разве я тебя не съел?

– Ты съел моего брата. А двух братьев в один день есть не положено, – сказал Ул.

Горшеня опечалился. На крыльцо вышла Яра. Горшеня протянул к ней руку, но Ул шлепнул его по пальцам.

– Она невкусная, – шепнул он, – но у нее вкусная сестра. Пошла туда!

Горшеня, переваливаясь, похромал искать сестру.

– Бедный он! Верит всему, – снисходительно сказал Ул.

– Это мы бедные, что ничему не верим, – заметила Яра.

– Говорят, он зарыл где-то клад и теперь его охраняет, – вспомнил Ул.

Россыпь звезд прочерчивала тропинку к Москве. Отсюда, из Подмосковья, город неразличим, но в ясную погоду можно залезть на высокую сосну и со сколоченного из досок «разбойничьего гнезда» увидеть светлое плоское пятно. Это и есть Москва.

Согревшееся за ночь тело ленилось. Ул щедро зачерпнул снег и, фыркая, умылся. Талая вода потекла за ворот. Поняв, что от нытья станет только хуже, тело смирилось и согласилось быть бодрым.

Аллею занесло. Она угадывалась только по фонарным столбам и длинным сугробам, из которых торчали горбы парковых скамеек.

В здоровенной шныровской куртке Яра обманчиво казалась полноватой. Ул дразнил ее Винни Пухом. Держась главной аллеи, они дошли до места, где старые дубы очерчивали правильной формы овал. Яра вытянула ботинок из сугроба и… поставила его уже на зеленую траву.

Обложенные камнями, тянулись к небу узкие прямые кипарисы. Вьющаяся роза плелась по железным аркам. В нижней части ее ствол был толщиной в детскую руку. Срывая лепестки, ветер уносил их за невидимую границу и ронял на снег. Улу он казался обагренным кровью, а Яре – поцелованным.

Яра оглянулась. Граница снега и травы обозначалась очень четко. Два дальних дуба дремали в снегу, третий же, оказавшийся внутри, даже и не ведал, что где-то рядом зима.

Этот дуб был любимцем Яры. Она обняла теплое дерево и прильнула к нему щекой. Ул давно заметил, как много могут сказать Яре кожа и руки. Вот она гладит кору. Осязает не только ладонями, но и тыльной стороной ладони, и ногтями, и запястьями. Зачерпывает дерево со всеми его изгибами с жадностью слепого, обретшего взамен зрения новое чувство. Как-то она призналась Улу, что

ей хотелось бы до нервов счесать себе руку, чтобы ощущения обострились.

– Бывает, – сказал Ул.

Теперь он стоял рядом, жевал травинку и любовался Ярой, как технарь любуется девушкой-гуманитарием, которая понятия не имеет, что такое интеграл, зато охотно рассуждает об исторических судьбах народов. Разница между Ярой и Улом была примерно такая же, как между двуручным мечом и нервной рапирой. Он уважал ее ум и чуткость, она же уважала его решительность и способность во всем схватить суть, не отвлекаясь на детали.

«Хочешь скрыть от женщины-шпиона новейший танк – поставь на мотор гнездо с цыплятами», – замечал Ул.

Самого Ула больше интересовали вещи практические. Он знал, что где-то тут со дня основания ШНыра скрыта мощнейшая закладка. Это она прогревает землю и дает деревьям силу. Сейчас Ул в очередной раз прикидывал, где закладка спрятана и какого она размера. Сила ее была колоссальной. Ни одна из тех закладок, что вытаскивал сам Ул, не смогла бы растопить снег больше чем на пять-шесть шагов.

Перед Улом, поскрипывая, качалась от ветра громадная, похожая на парус сосна с плоской вершиной. В ее корнях притулился синий улей, по крыше которого лениво ползали утренние, еще не прогретые солнцем пчелы.

От сосны начинался обширный Зеленый Лабиринт – тщательно подстриженное сплетение акации, лавра, можжевельника и самшита. В центре Лабиринта был фонтан – огромный расколотый камень с причудливой резьбой, по которой стекала вода. Вокруг буйствовали хризантемы. Обычно Яра бросалась на колени и осязала цветы нетерпеливыми пальцами. Ул же забавлялся названиями.

– Сколько надо выкурить кальянов, чтобы назвать хризантемы «Пинг Понг Пинк»? А «Весенний рассвет на дамбе сути»? – интересовался он.

Яра навестила бы хризантемы и сейчас, но это было невозможно. Обогнув лабиринт, они пересекли еще одну невидимую границу, и опять под ногами у них заскрипел снег.

* * *

Денис ждал их у пегасни. Сидел на вкопанной шине и укоризненно мерз. Щуплый, лицо бледное. Нос похож на редиску. Выглядит года на два младше своих шестнадцати. Молния на шныровской куртке застегнута до самого верха. Глаза как у хомяка: бусинами. Правое плечо ниже левого.

– Нервничает! – сказал Ул.

– А ты не нервничал перед первым нырком?

– В четыреста раз больше… Ну, вру: в триста девяносто девять! – поправился Ул.

Яра засмеялась. Чудо, как человек может порой уместиться в чем-то бесконечно малом: краткой фразе, поступке, взгляде. Вот и Яра таинственным образом уместилась в своем двухсекундном смехе: энергичная, порывистая, ласковая без сюсюканья.

– Я помню, как ты форсил в столовой после первого нырка. Заявлялся на завтрак в куртке. У всех куртки новые, а у тебя потертая. И сам такой таинственный! Просто супершныр! – сказала она, все еще разбрызгивая свой восхитительный смех.

– Я притворялся, – смущенно пояснил Ул. – А куртку я скреб кирпичом. Мне потом от Кузепыча влетело.

Увидев Яру и Ула, Денис вскочил с шины. Двигался он как ящерка – быстрый рывок и замирание.

– За что мне Дельту? Это нечестно! Я лучший в подгруппе. Я на пролетке на Цезаре удержался! – крикнул он.

– Пролетка – дело другое. Для первого нырка лучше кто-нибудь уравновешенный, – терпеливо объяснила Яра.

Денис с ходу обозвал Дельту табуреткой.

– Вот и чудесно. С табуретки не свалишься, – похвалила Яра и, оставив Дениса в обществе Ула и Дельты, нырнула в пегасню.

Всеобщая мамаша Дельта скучала. Переминалась с ноги на ногу и фыркала в сугроб. Немолодая, немного коротконогая кобыла, пепельно-серая, «мышастая», с черным ремнем на спине и пышным хвостом до земли. Маховые перья с человеческую руку. Сами перья коричневатые, с темными окончаниями. Жеребят рядом не было, и «полюблять», по выражению Ула, Дельте было некого. Заметив Ула, она деловито отправилась к нему попрошайничать.

– Обойдешься! Я жестокий и жадный ненавистник животных! – предупредил Ул.

Дельта не уходила. Слова у Ула порой расходились с делом. К тому же умной Дельте было известно, что карманы его куртки никогда не бывают пустыми.

Скормив Дельте половину сухаря, Ул оценивающе качнул седло и немного ослабил подпруги. Седло было легкое, вытянутое вперед. Передняя лука загибалась, опоясывая мускульные основания крыльев в той их части, где перья еще не начинались.

Ул подошел к Денису и дружелюбно хлопнул его по плечу.

– Карманы проверил? Расчески, шариковые ручки, косметические пломбы на зубах?

Денис мотнул головой.

– Ну смотри, а то будет о чем вспомнить, – пообещал Ул. – Дальше инструктаж. Первым делом, понятно, пролетка. Когда высота набрана – переводишь пега в нырок. Бывает, новички нервничают, натягивают поводья и пытаются его развернуть. Этим ты только собьешь пега с толку. В момент перед нырком скорость такая, что на крыло он уже не встанет. А если сдуру их раскинет, ему все кости штопором завернет. Короче, струсишь – и себя угробишь, и лошадь.

– «Разброс»? – подсказал Денис.

Ул цокнул языком.

– Не ага! Слышал звон, как говорится… Разброс – это когда пег перенесся, а ты нет. Обычно это происходит, когда шныр не доверился пегу. Тогда пег исчезает, а шныр впечатывается в асфальт.

Денис побледнел, и Ул пожалел, что сказал лишнее.

– Короче, доверяй Дельте. Она уже десять лет ныряет. Ты ей, главное, не мешай: она сама всё сделает, – сказал он торопливо.

Денис с сомнением посмотрел на Дельту, которая, отвесив нижнюю губу, выклянчивала очередной сухарь.

– Дальше переход! Тут всё настолько мгновенно, что ты ничего не успеваешь осознать. Сотая доля секунды – и ты в болоте. Это самая неприятная фаза. Какой главный принцип прохождения болота?

– Принцип трех обезьянок, – заученно отозвался Денис.

– Правильно. «Ничего не слышу, ничего не вижу и ничего никому не скажу». Самые важные правила – первые два. Ничего лишнего не слушать, глаза держать закрытыми или смотреть на гриву пега.

– А если… – осторожно начал Денис.

– Никаких «если»! – оборвал его Ул. – Верить в болоте нельзя ничему, каким бы правдоподобным оно ни казалось. Я лично знал отличного парня, который после болота попытался отмахнуть мне голову саперкой.

Денис с опаской посмотрел на голову Ула. Она была на месте.

– Зачем?

– Ему померещилось, что я похитил его голову и нахлобучил свою. Вот он и решил восстановить справедливость, – охотно объяснил Ул.

– А почему мы не с Афанасием ныряем? – внезапно спросил Денис.

Ул напрягся, потому что парень, пытавшийся поменяться с ним головами, и был Афанасий. Теперь Ул соображал: догадался Денис о чем-то или это случайный выстрел.

– Ярослава – опытный шныр. У нее больше ста нырков, – сказал Ул подчеркнуто дежурным голосом и снял с плеча у Дениса приставшую соломинку. – Ну ни пуха! Пройдешь болото, а на «двушке» твой проводник тебе всё покажет.

* * *

Яра шла по пегасне. В полутьме слышалось фырканье, дружелюбное сопение. Икар играл пластиковой бутылкой. Фикус что-то жевал. Миних, спокойный старый мерин с бело-желтой проточиной на голове, лизал решетку. Язык примораживался к металлу, и Миних удивлялся новому ощущению.

А вот и Эрих, мощный, широкогрудый жеребец, такой высокий в холке, что когда-то Яра его побаивалась. Яра скользнула внимательными пальцами по крыльям Эриха, начиная с основания рулевых и заканчивая маховыми. Ей надо было убедиться, что всё в порядке. Случалось, ночью пеги пугались, начинали биться в тесных денниках и получали травмы. Эрих настороженно скосил глаза и прижал уши. Пеги не любят прикосновения к крыльям.

– Значит, мне трогать нельзя, а тебе валяться можно? – поинтересовалась у него Яра, вынимая застрявшее между перьев сено.

Вчера Эриха выводили еще до снегопада, и теперь, высунув морду из пегасни и испугавшись повсеместной колкой белизны, он всхрапнул, рванулся и попытался взлететь. Крылья у него были соломенного оттенка. Каждое метра по четыре. Громадные, щемящие совершенством формы.

Яра с трудом удержала его, позволила понюхать и изучить снег. Мало-помалу Эрих успокоился. Денис воевал с Дельтой, уговаривая ее расправить крылья. Иначе на пега не сесть. Хитрая Дельта упрямилась. Ей и в пегасне было неплохо.

– Задание! – вполголоса напомнил Ул.

Яра, совершенно об этом забывшая, благодарно взглянула на него и коснулась своей нерпью нерпи Дениса. В воздухе проступили синеватые дымные буквы. Подождав, пока они погаснут, Яра развеяла их рукой.

– У трехмесячной девочки неправильно развивается сердце. Сегодня днем операция. Шансов мало. Нужна закладка. Имя девочки – Люба, – сказала она.

Денис перестегнул Дельте нащечный ремень.

– Это не учебная легенда?

– Учебный нырок на двушку? – хмыкнул Ул, и Денис, смутившись, вновь стал дергать ремень.

– А если мы достанем закладку, операция все равно состоится? – спросил он через некоторое время.

– Скорее всего. А там кто его знает? Закладка сама творит обстоятельства… – честно сказала Яра.

Она отвела Эриху левое крыло и вскочила в седло. Правое крыло Эрих приподнял уже сам, спасая его от прикосновения ноги. Ула всегда поражала твердость, с которой Яра, робкая и застенчивая в быту, управляла лошадью. Казалось, в седло садится совсем другой человек. Садится, откидывает назад волосы и – становится шныром. Вот и сейчас у него на глазах случилось именно такое преображение.

– Эрих – первый, Дельта – за ним! – крикнула Яра Денису.

Ул хмыкнул, оценив, как ловко она это сказала. Не «скачи за мной!», а «первый – Эрих». Женское руководство имеет свои особенности.

Ул шел рядом и вел Эриха. Под глазами у него были желтоватые ободки.

– Ты обещал вчера, что будешь спать! – с укором напомнила Яра.

– Да как-то вот… – виновато сказал Ул, и не понятно было, что за грозный Кактовот помешал ему лечь.

– Ложись сейчас.

Ул оглядел снег, выражая взглядом, что улечься прямо здесь и сейчас невозможно.

– Не могу. Потопчусь в пегасне, тебя подожду. У Азы ногу надо посмотреть. Ее Бинт лягнул. ЧУДО! былиин! Джентльмен называется! Разве кобыл лягают? Хотя Бинт, конечно, не в теме.

– Кто тебе дороже: я или твоя Аза? – ревниво спросила Яра.

Ул предостерегающе оглянулся на Дениса. Тот сидел на Дельте как истуканчик. Изредка вскидывал руку и с такой энергией вцеплялся в красный носик, точно хотел его оторвать.

– Вчера вечером наши видели ведьмарей… Захватишь? – Ул сунул руку под куртку и извлек маленький арбалет с пистолетной рукоятью: шнеппер.

Яра покачала головой.

– Я надеюсь на Эриха, – сказала она, чтобы не говорить другого. Однозарядный арбалет не всесилен.

* * *

Яра и Денис сделали круг шагом, а затем еще два легкой рысью. И только потом Яра разрешила Эриху перейти в галоп. Тот только этого и ждал. Разогнался, из озорства понесся на забор, тяжело хлопнул крыльями и оторвался от земли. Яра услышала негромкий удар: задел-таки копытом, аспид!

Уже в небе она повернулась в седле, чтобы увидеть Ула. Маленькая родная запятая рядом с кирпичным четырехугольником пегасни.

Дельта пыталась схитрить и замедлиться, но Денис прикрикнул на нее, толкнул шенкелями и поднял на крыло. Развернув ленивую кобылу, норовившую незаметно свернуть в сторону пегасни, он послал ее за Эрихом. Эриху хотелось резко набрать высоту, но Яра пока придерживала его, заставляя делать это постепенно. Израсходуется, взмокнет, а сил должно хватить надолго.

Конская спина под ней мелко дрожала. Ощущения полета и скачки были разными. Она отличила бы их и с закрытыми глазами. Яра пригнулась к шее коня. Когда крылья делали взмах и, туго зачерпывая воздух, проносились назад, она видела редкий лес. Дальше склады и большое поле, соединенное с шоссе извилистой дорогой.

Яра закутала лицо шарфом. Встречный ветер обжигал скулы, вышибал из глаз слезы. Яра знала, что еще немного, и она ощутит себя куском льда, который криво посадили на лошадь. Всё смерзнется: и мысли, и радость, и любовь к Улу, и даже страх. Останется только желание тепла.

Денис нагнал ее и летел рядом. «Мышастая» шерсть Дельты начинала белеть, покрываясь изморозью. Шкура в нижней части морды обледенела, и было похоже, что у старой кобылы выросла белая редкая борода.

Небо на востоке было полосато-алое, как предательски убитая зебра. Яра держала курс прямо на эти полоски, тревожно всматриваясь в них. Внезапно что-то поменялось, и над ними нависло большое облако – ярко-белое по краям и грязноватое в центре. От облака отделялись клочья. Представлялось, будто внутри спрятался кот и рвет его лапами. Яра оценивающе посмотрела вниз. Низко. Для нырка надо набрать еще. Она махнула Денису и направила Эриха в облако. Секунд через десять он вырвался с другой стороны. Теперь облако лежало внизу, похожее на рыхлую кучу снега.

Наверху, сколько зачерпывал глаз, дрейфовали другие облака. Верхнее, огненное, похожее на бегемота, проглотило солнце и медленно его переваривало.

Денис появился только через минуту. Он с негодованием показывал на Дельту и грозил ей хлыстом. У кобылы был хитрющий вид. Яра поняла: Дельта притворилась, что испугалась облака, использовав это как предлог, чтобы вернуться. Яре ее фокусы были хорошо известны. В свое время она тоже

начинала с Дельты.

Зная, сколько сил у пега уходит на набор высоты, Яра позволила Эриху лететь на юг, держась вдоль темного края нижней тучи. Небо здесь не имело четких границ. Большая туча обрывалась горой. В основании горы более мелкие тучи соединялись ватными бородами. Оттуда, где солнечные лучи путались в бородах, как сено в крыльях пега, внезапно появились четыре точки. С каждой секундой точки становились крупнее. Вскоре Яра различила плотные, кожистые, точно у драконов, крылья. Гиелы. К их спинам припали крошечные фигурки.

«Ну вот! Нарвались!» – подумала Яра.

В этот миг четыре крылатые точки распались на две двойки. Одна двойка осталась кружить внизу, другая нырнула за тучу.

– Смотри: ведьмари! – крикнула она Денису, оттягивая шарф.

Тот заметался и, путая Дельту, начал дергать повод.

– Не надо! У нас преимущество по высоте! Им быстро не набрать! Опаснее будет на обратном пути!

Яра сильно не вкладывалась в этот второй крик, зная, что ветер все равно снесет три четверти. Убедившись, что Денис больше не старается развернуть Дельту, она сложила пальцы утиным клювом и ткнула вниз. Это был сигнал к нырку.

Эрих откликнулся, едва она коснулась поводьями его шеи. Он накренился вперед, пригнул морду к земле и, ускоряясь, несколько раз с силой махнул крыльями. После пятого или шестого взмаха сложил крылья, однако из-за Яры и седла не смог сделать этого так, как в пегасне. Получилось, что он обнял ее крыльями. Яра оказалась между двух щитов, прикрывавших ее до груди. Порой ей приходило на ум, что только это и позволяет нырнуть. Вот и пойми – то ли случайность, то ли глубинная закономерность.

Пег набирал скорость. Сила тяжести влекла его к земле. Яра наклонилась, стараясь укрыться за шеей коня. Ветер свистел все тоньше и пронзительнее. Свободный конец шарфа больно хлестнул по затылку.

Яра попыталась оглянуться, чтобы определить, где сейчас Денис. Он оказался неожиданно близко. Испуганный, но не паникующий. Вцепился в гриву Дельты, чтобы не вцепиться в повод. Тоже вариант. Лицо бело-красное с четко обозначенными пятнами. Брови как две обледенелые гусеницы. Лыжную шапку с него сорвало. Волосы торчат белыми пиками.

«Значит, и у меня такие же брови! Вот почему морщиться больно! Умница Дельта! От Эриха не отстала!» – столкнулись в сознании у Яры две разные мысли.

Воспользовавшись тем, что Яра неосторожно повернула корпус и вывела его из-под защиты крыльев, ветер ударил ее в грудь и щеку, едва не выбив из седла. Яра вцепилась в переднюю луку, ощутив себя не просто жалким чайником, но утрированным самоваром.

Вроде пустяк, но он похитил у нее несколько ценных секунд. Когда Яра снова увидела землю, она была пугающе близко. По серым петлям шоссе ползла серебристая коробка трейлера. Яра поняла, что на крыло Эрих уже не встанет: скорость слишком большая. Но Эрих и не собирался становиться на крыло.

На краткий миг рядом мелькнули темный в полосках бок и плоская морда с выступающей нижней челюстью и близко посаженными глазами. Человек так тесно приник к гиеле, что они казались двухголовым существом.

Яра поняла, что нарвалась на одного из двух ведьмарей, нырнувших за тучу. Всадник не успевал развернуть гиелу: слишком несопоставимы скорости взлетающей гиелы и почти ушедшего в нырок пега. Отлично понимая это, ведьмарь наудачу вскинул руку с тусклым полумесяцем арбалета.

Эрих дернулся от боли. На его вытянутой шее длинной полосой проступила кровь, точно коня резанули бритвой. «Сообразил, что в меня не попасть, и пальнул в коня, чтобы мы разбились вдвоем», – определила Яра.

Пег мчался к земле, с каждым мгновением обретая невыразимую плотность. На его крылья невозможно было смотреть. Они не стали белыми или сияющими, но все равно ослепляли и отталкивали глаз, ставший для них слишком легким.

По мере того как Эрих преображался, все вокруг бледнело. Холмы, сосны, шоссе подернулись дымкой, размылись. При этом Яра осознавала, что мир остался таким же, как был: вполне вещественным и совершенно не призрачным. Просто Эрих больше не принадлежал этому миру, в котором он хотя и давний, хотя и родившийся здесь, но все же гость.

Не раз Яра и другие шныры пытались описать новичкам переход, но не хватало слов, чтобы объяснить, как можно стать реальнее самой реальности при том, что и та сохраняется неизменной.

Яра искоса взглянула на свои руки – известный шныровский тест на разброс. Рядом с гривой Эриха кисти казались плоскими, картонными. Гораздо менее настоящими, чем Эрих. Из-за досадного удара ветра Яра осталась частью своего мира, тогда как пег уже не принадлежал ему. Через секунду или две Эрих пронижет ее мир насквозь, а Яра, если не сумеет с ним слиться, воткнется где-нибудь между шоссе и щеткой сосен на пригорке.

Яра поступила по наитию. Осознав, что безнадежно отстала, она наклонилась и как могла сильно обхватила шею Эриха. Щека уткнулась в жесткую щетку гривы.

– Не бросай меня! Я все равно тебя не отпущу! – беззвучно прошептала она, зная, что Эрих если и услышит, то все равно не слова.

И он не бросил. Сомкнул основания и изменил наклон, накрыв Яру плотными парусами крыльев. Время встало. Пригорок, от которого Яру отделяло не больше полусотни метров, расплылся, точно на свежую акварель плеснули из банки. Он не расступился, не исчез, остался сам собой, но Эрих и Яра пронизали его как мыльный пузырь, сомкнувшийся за ними. Яра ощутила натяжение своего мира, соскользнувшее по прикрывавшим ее крыльям пега. Она рискнула и еще раз оглянулась. Мир медленно уплывал назад, отгороженный невидимым стеклом. Где-то там ехал трейлер и росли березы. Там же остался и Ул.

– Спасибо тебе! – шепнула Яра.

Ей стало ясно, что Эрих в последнее мгновение вытащил ее, бесконечно опоздавшую стать такой же, как и он.

А спереди на Яру уже надвигалось нечто рыхлое, цвета мясной накипи. Отвратительная бесформенная масса. Миновать или облететь ее невозможно – только пробиться насквозь. Тут не было ни неба, ни земли, ни созвездий – одна масса. Стремительно вращающаяся в центре, по краям она лежала неподвижно и образовывала тихие затончики. Сильнее всего она напоминала грязную воду с остатками пищи, которая с хлюпаньем втягивается в сток раковины. И там, в этом страшном центре, все кипело и бурлило.

Что-то мелькнуло по левую руку от Яры. Приглядевшись, она поняла, что это Дельта. Приотставшая в нырке, кобыла быстро нагоняла. Яра не сразу поняла, есть ли у нее на спине Денис, и пережила несколько неприятных секунд.

«Но ведь нырнул! Не разбросало! Теперь только бы в болоте не запаниковал!» – решила она.

Яру качнуло в седле. Крыло, отходя назад, задело ее по плечу. Эрих ускорился. Вместо того чтобы лететь в спокойную и внешне безопасную пену, он, вытянув морду, понесся прямо во вращающийся центр «раковины». Дельта следовала за ним. Спираль «стока» то утолщалась и затихала, то сворачивалась в нитку, и тогда ее начинало швырять из стороны в сторону.

Яра по своему опыту знала, что для новичка это страшнее, чем падать вместе со сложившим крылья пегом и ждать удара о землю.

Перед тем как кинуться в кипящее жерло, Эрих сложил крылья. Ветер срывал Яру с седла. О ее шныровскую куртку разбивалась пена, повисала на ней и отбегала, как живая. На несколько секунд Яра утратила ориентацию и думала только об одном – не потерять стремя, не выпустить повод.

Ощутив, что ураган становится дряблым, Яра поспешно зачерпнула воздух. С запасом зачерпнула, до боли в груди, зная, что вскоре всякий вдох станет роскошью.

И точно: выдохнула Яра уже в болоте.

Как и в «стоке», всё здесь было цвета мясной накипи. Слежавшееся, мерзкое, остановившееся пространство, не содержавшее ни надежды, ни радости, ни движения. Мир, замкнувшийся в себе и завонявший, как погибший в яйце

птенец. Яра выдохнула медленно, маленькими порциями, с сожалением, стараясь подольше не втягивать то, что заменяло здесь воздух. Воздух в болоте невероятно затхлый. Липнет к щекам, как жижа. Вползает в ноздри, щиплет глаза. Грязный станционный туалет показался бы в сравнении с ним грезами гурмана. Но всё равно дышать пришлось. Яра открывала рот и чувствовала, как вместе с воздухом втягивает в себя всю эту дрянь.

Только что Яру било ветром. Здесь же ветер вообще отсутствовал. Она летела и толкала языком колючий шарф, лезущий в рот.

Эрих больше не держал крылья сложенными. Он летел, но невероятно медленно. Маховые перья заламывались от напряжения. Казалось, он продирается сквозь клей. Каждый взмах продвигал их вперед, но чудовищно медленно. Яре казалось: они не летят, а ползут. Без пега она не смогла бы проплыть здесь даже сантиметр, хотя бы и загребала липкий воздух ладонями в течение столетий.

Эрих и Дельта продирались по узкому тоннелю. Он был пробуравлен ураганом и имел четкие липкие стенки, которые втягивали в себя всё, но ничего не выпускали наружу. Яру удивляла мудрость, заставлявшая пегов бросаться сюда. Во всех других местах перелететь трясину было бы нереально. Здесь же ураган пробил брешь.

Впереди что-то неясно светлело, хотя и справа и слева была плотная, сосущая тьма. Яра упорно старалась смотреть только на конскую гриву, зная, что отрывать от нее глаза смертельно опасно. Она понимала тоску тех, кто застрял когда-то в болоте. Вечно сидеть в липкой жиже, которая удерживает так, что ты не в силах моргнуть или пошевелить пальцем. И всё это время угадывать рядом нечто совершенно иное – яркое, настоящее, пламенеющее.

В плотной тьме дрейфовали медлительные серые тени, похожие на облепленных глиной карликов с вываренными глазами. Эльбы. Тени смещались и приближались к стенкам тоннеля. Когда карлики касались стенок, то отстреливали нечто вроде паутины. Паутина касалась куртки Яры и сразу рвалась.

Короткие прощупывающие покалывания Яра ощущала почти непрерывно и догадывалась, что эльбов гораздо больше, чем она способна разглядеть за те

две-три секунды, что отваживается смотреть. В момент прикосновения колючих паутинок Яра испытывала то волчий голод, то досаду, то жадность, то вялую сонливость и безразличие. Но снова и снова крылья Эриха описывали полукруг и рвали паутину.

Убедившись, что атаки безрезультатны, эльбы поменяли тактику.

Ставки повысились. Теперь вместо голода и тоски Яре предлагались удовольствия самого разного рода. Всё это прощупывало Яру, пытаясь отыскать в ней брешь. Значит, ты не хочешь по локоть запустить руки в золотые монеты индийского раджи или гладить мех ручного тигра? А как насчет пробежаться с гепардом или встать под радужную струю водопада? А шашлык с горячим глинтвейном? Снова нет? Может, синьорита предпочтет меха, длинную машину и молчаливого шофера, который медленно повезет ее по ночным улицам под звуки кокаинового джаза?

Образы были такими отчетливыми, такими зримыми, что Яра уже не отличала их от реальности. Едва определяла, где она на самом деле – под водопадом, на шумном восточном базаре или в душном и дрожащем, как холодец, болоте. Мечты, твердея, претворялись в реальность. Хотелось забыться, расслабиться и отдаться их убаюкивающей силе.

Скажи «да», крошка! Маленькая моя, любимая, теплая!

Скажи «да», существо!

Говори «да», дрянь!

Яра знала: для самих эльбов все эти лихорадочные образы, которыми они пичкают ее сознание, – ничто. Эльбы холодны как лед. Не спят и не печалятся. Их наслаждения в иной сфере, которую ей и постичь невозможно. Золото, пища, романтика имеют для них не большую ценность, чем для рыбака шевелящийся на его крючке жирный червяк.

Яра знала, что если сейчас поведется и даст внутреннее согласие, то потом невозможно будет разорвать путы. Она залипнет здесь и навсегда останется в болоте. Много раз случалось, что шныры, даже самые опытные и закаленные, равнодушные к боли и легко переносящие голод, прыгали с седла, став

пленниками заветного миража. И едва ли там, в душных испарениях болота, они обретали свои горные ручьи, улыбку красавицы или фантастические города.

Желая согреться мыслью о чем-то теплом и важном, Яра стала думать об Уле, но внезапно осознала, что совершенно его не любит. Грубиян, дуболом, пошляк! Цветочки по чердакам прятал, а она таскалась за ними, чтобы изваляться в голубином помете! Если бы хоть красавец, а то зубы неровные, ноги короткие! Ни квартиры, ни внятного будущего. В кафе и то каждую копейку считает!

Из всех щелей ее сознания шустрыми тараканами поползли мелкие обидки. Яра поняла, что никогда не была нужна Улу. Ему просто требовалась девушка, какая угодно, только бы согласилась терпеть его выходки. Другим он, понятное дело, до лампочки, а над ней небось весь ШНыр потешается!

Если бы Ул сейчас оказался здесь, Яра набросилась бы на него, как кошка, и стала царапать, кусать. Ей захотелось развернуть коня, чтобы окончательно разобраться с этим уродом. Ненависть была такой сильной, что Яра пред собой видела одни лишь черные пятна. Глаз она уже не закрывала. Зачем? Плевать на болото! Главный ее враг – Ул!!!

Эрих жалобно заржал – она не услышала, но угадала по нетерпеливому движению головы и закинутой морде с пенной шапкой у ноздрей. Спустя секунду пега стало кренить и заваливать набок. Они больше не продвигались вперед, но зависли на одном месте. Правое крыло Эриха цепляло за что-то, чего не могло разорвать. Левое крыло судорожно загребало липкий воздух. Яра видела, что пега сейчас перевернет, а ее саму ударит о стенку тоннеля. Серые карлики тоже сообразили, что случится, и, давя друг друга, спешно сползались в одно место.

Не понимая, что происходит с Эрихом и почему он заваливается, Яра опустила глаза и увидела, что в ее ногу сразу над ботинком вошла паутина, утолстившаяся до подобия белого корня.

По паутине от эльба к Яре катились мелкие бусины. В момент, когда они касались ноги, она испытывала к Улу новые уколы ненависти. Правда, теперь ненавидеть стало технически сложнее. Колени скользили по седлу, левое стремя болталось, подпруги ослабли, а само седло вот-вот окажется под животом пега. Хорошо, хоть загнутая передняя лука удерживалась за основания

крыльев.

«Я… люблю… Ула. Это… все… эльб!» – продираясь сквозь трясину ненависти, подумала Яра.

Очередная бусина не смогла просочиться под кожу. Откатилась и столкнулась со следующей. Паутина вздулась, не выдержала напряжения и оборвалась. Ее прочность оказалась обманчивой. Эрих зачерпнул освобожденным крылом густой вонючий воздух. Упругие кости выгнулись. Жеребец заржал от боли и, едва не выломав маховые перья, выровнялся. Яра сумела дотянуться до мускульного основания его крыла и вернулась в седло.

«Расслабилась! Поверила, что все могу! Проводник, называется!» – выругала себя Яра. Дельта давно унеслась вперед, и Яра даже приблизительно не представляла, где и когда встретится с Денисом.

Эрих набирал скорость медленно, с усилием. За первые двадцать-тридцать ударов он почти не продвинулся вперед. Порой ему требовалось несколько толчков крыльями, просто чтобы остаться на месте. Тогда он дергал головой и коротко, укоризненно ржал. Яра потрогала его спину. Она была скользкой и потной. Шерсть блестела, как намазанная жиром. В болоте останавливаться нельзя. Не будь Эрих огромным, сильным жеребцом, он завяз бы здесь навсегда.

Все притупилось в Яре: любовь к Улу, жалость к коню, беспокойство о крошечной девочке. Она помнила только одно: нельзя позволять новым корням войти в нее, потому что это смерть. Ненависть к Улу опустошила ее. Она даже не чувствовала уколов. Тупо смотрела на гриву и старалась не открывать глаз.

Яра не знала, сколько провела времени в болоте. Оно здесь течет по своим законам. При предельной внутренней собранности, да на хорошем пеге можно проскочить за десять минут. Можно за полчаса, час, а можно и вообще не прорваться. Счет завязших в болоте ныряльщиков шел на десятки и сотни. Чаще всего даже не знали, застрял ли ныряльщик на пути туда или был перехвачен на обратном пути. Кем? Эльбами? Ведьмарями? Сломала ли его лошадь крыло, слетел ли он с седла или, прислушиваясь к нашептываниям болота, не сумел разорвать паутину и до сих пор томится где-то в сосущем мраке, где ложь похожа на правду и где ненависти веришь больше, чем любви?..

Дважды в истории ШНыра случалось, что ныряльщик, будучи твердо убежден, что провел в болоте не больше суток, выныривал в человеческий мир спустя несколько десятилетий.

Сейчас Яра не думала и об этом. Она гнала все мысли без исключения, в том числе и самые невинные, зная, с какой легкостью болото искажает, подменяет, тайно соединяет их, используя любую мысль как мостик в свою реальность.

Внезапно Яра почувствовала легкий толчок. Упругая неведомая сила разом коснулась всего ее тела, а затем расступилась, узнав и пропустив. Она ощутила тепло, согревшее ее заледеневшее в нырке лицо. За закрытыми веками что-то розовело. Она оттянула шарф, а потом и вовсе сорвала его. Глухая вонь исчезла. Яра открыла глаза. Эрих легко, без малейшего напряжения летел над землей. Остатки болота таяли на его опавших от усталости боках.

Над землей, а не по узкому тоннелю в болоте.

Здесь было гораздо светлее, однако свет казался неярким, точно предрассветным. Внизу угадывался лес. За лесом начиналось поле с медлительной и часто петлявшей речкой.

– ДВУШКА! – воскликнула Яра, хотя это было только начало.

Что-то обожгло ей висок. Это расплавилась большая пластмассовая заколка, о которой Яра забыла. Яра поспешно отбросила липнущую к пальцам мягкую массу, пока она не растеклась по голове.

Вот о чем Ул предупреждал Дениса. Здесь, на двушке, не могло существовать ничего вторичного и производного. Никакой синтетики и полимеров. Только кожа, хлопок, железо. Все помнили историю девушки-новичка, попытавшейся незаметно воспользоваться пластиковыми подпругами. Обратно через болото ей пришлось прорываться без седла, привязав себя к конской шее.

Яра вспомнила, сколько раз на этом попадалась, и удивилась, что не стала осторожнее. Несколько удачных нырков – и ты автоматически зазнаешься. Перестаешь проверять карманы, думать о заколках и смело открываешь глаза в болоте. Единственный способ вновь обрести ощущение реальности – получить по лбу.

Чем дальше летел Эрих, тем светлее становилось. Если раньше Яра лишь угадывала то, что внизу лес, то теперь различала отдельные деревья. Если в первые минуты здесь двушка была почти бесцветной, темной и лишь слегка намеченной, то сейчас, с каждым новым взмахом крыльев Эриха, становилась подробнее. Невидимая рука неспешно набрасывала на деревья краски, щедро рассыпала из теплой ладони звуки и запахи.

Лоб Яры покрывался испариной. Она вытерла его тыльной стороной руки и подумала, что сегодня всё началось рановато. Сказалась задержка в болоте. Слишком много грязи она там наглоталась.

Эрих прислушался и забрал левее. Яра доверилась ему, хотя ей казалось, что они летят не туда. Вскоре, всмотревшись, она различила на лугу пятно, оказавшееся пасущейся Дельтой. Дениса она увидела, только когда Эрих опустился рядом. Парень лежал в тени кустарника в расстегнутой шныровской куртке и казался едва живым.

Лицо у него было распаренным и двухцветным. Яра никогда не видела, чтобы люди потели в полосочку. Красный участок кожи – белый – красный – белый. И все с четкими границами. Один только нос не имел границ и торчал обычной просверленной редиской. Воздух Денис втягивал медленно, так же осторожно выдыхал.

– Поначалу всегда так. Потерпи. Скоро будет легче, – сказала Яра.

Денис открыл глаза и попытался улыбнуться.

– Я видел, как Эрих застрял… А тебя вообще не заметил. Показалось, седло пустое. Дергаю повод, да куда там! Не слушает! А потом вообще в гриву вцепился, такая ерунда в голову полезла. Что мать всегда мною тяготилась, а сестра воровала деньги из копилки. А я-то думал: куда они пропадают? Только в болоте и понял.

Яру это не удивило. Болото – вечное место озарений подобного рода.

– Ты пытался остановить Дельту в болоте??? – переспросила она.

– Ну да! Ты же мой проводник. Я думал: так и надо. А проклятая табуретка не послушалась! Она меня не воспринимает!

Продолжая лежать на спине, Денис сложил ладони ковшом и провел по лицу сверху вниз. Казалось, он не стирает пот, а умывается.

– Сам ты табуретка! Если бы Дельта остановилась… – договаривать Яра не стала.

Денис посмотрел на свои руки. Пот стекал теперь даже с пальцев. Запястья были покрыты бесчестными бисеринками.

– Щиплет. Попадает в ранки и щиплет… – пожаловался он. – А странно!

– Что?

– Ну как? Дикая жара, а вода в ручье холодная. Но больше меня добивает роса. Почему она не испарилась?

Яра засмеялась. Каждый шныр задает этот вопрос во время первого нырка.

– Здесь не жарко.

Он посмотрел на нее с недоумением.

– То есть как это не жарко? Ты меня видишь?

– Тебя вижу, но всё равно не жарко. Посмотри на Эриха, на Дельту. На меня, хотя сегодня я плохой пример.

Денис сел на траве, недоверчиво всматриваясь в ее лицо.

– Даже куртку не расстегнула, – сказал он с завистью.

– Все через это прошли. Главное, двушка тебя впустила. Бывает, новички проходят весь путь через болото и вынуждены поворачивать пега назад. Ну а жара… Мне кажется, из нас выходит грязь.

– Проклятое болото! Оно меня доконало! – Денис качнулся вперед и встал.

Ветка полезла ему в глаза. Он отмахнулся от нее.

– Вроде уже не так паршиво… Пошли искать закладки! Где они? – произнес он решительно.

Яра окинула взглядом луг. Эриха она держала за повод, опасаясь, что он войдет в ручей и, разгоряченный, начнет пить.

– Здесь закладок нет. Слишком близко к болоту. Надо лететь дальше.

– Может, подождем, пока не рассветет? – с надеждой предложил Денис.

– Нечего ждать.

– Как нечего? Уже вот-вот!

– Здесь «вот-вот» тянется вечность, – сказала Яра и, чувствуя, что Денис ничего не понял, добавила: – На этом лугу всегда пасмурный рассвет и ничего другого. Чтобы стало светлее, надо лететь дальше. Или оставаться и довольствоваться тем, что есть. Но тогда никаких закладок.

– Это нелогично, – возразил Денис.

– Для нас нелогично, для двушки логично. У нас мир циклических изменений. Утро-день-вечер-ночь. Весна-лето-осень-зима. Сиди у окна, ковыряй в носу, а вокруг тебя будет наматываться жизнь. А двушка – мир пространственно неизменный. Здесь всё в развертке.

– Это как? – не понял Денис.

– Ну сразу. Источник света и тепла – а он должен существовать, хотя никто из наших его не видел, – находится где-то в центре. Ты не замечал, что все деревья немного склонены в одну сторону? На окраинах, ближе к болоту, всегда ночь и холод. Здесь всегда ранний рассвет. Дальше утро. Сами собой они не наступают.

Чтобы что-то поменялось, надо постоянно двигаться.

Денис дернул «молнию» куртки.

– Но ведь если так, то получается, ближе к центру жарче!

Яра кивнула, не видя смысла это отрицать.

– Так и есть. Когда трудно и больно – значит, двигаешься в правильном направлении. Но сегодня мы у центра точно не окажемся.

– И ты?

– И я тоже. У каждого шныра своя личная граница. С каждым удачным нырком она немного отодвигается. Не то чтобы нас не пускали. Просто иначе не получается.

Денис снова стал мучить «молнию».

– А если я вообще никогда не смогу донырнуть до закладки? – с сомнением спросил он.

– До какой-то – возможно, и нет, но до своей донырнешь. Она не слишком глубоко. Иначе ты не получил бы этого задания.

– А если заставить себя и рвануть к центру? Просто гнать пега, и все? – упрямо спросил Денис.

Яра подумала, что тогда с ним произойдет то же, что и с ее заколкой, однако оставила мысль при себе, только буркнула:

– Невозможно. Сосулька не может долететь до солнца и остаться сосулькой.

Пять метров до Дельты Денис прошел как пять метров до эшафота. Усмотрев краем глаза, куда он направляется, хитрая Дельта отодвинулась на несколько шагов. Она не убегала, а неприметно отдалялась, всякий раз ухитряясь

выдерживать одну и ту же дистанцию.

– Смотри, что у меня есть! – жалобно крикнул Денис, пытаясь притвориться, что в кармане у него сухарь.

Дельта оглянулась и посмотрела с явной издевкой.

Яра знала, что Дельта способна гонять его так до бесконечности. Лошади, конечно, добрые существа, но не настолько, чтобы пожалеть уставшего человека. Не выпуская повода Эриха, Яра в несколько прыжков нагнала Дельту, запрыгнула животом ей на спину и, хлопнув по крупу ладонью, подогнала кобылу к Денису.

– На двушке пегов не отпускают. Если очень надо их оставить, то привязывают или стреножат, – напомнила она.

На этот раз пеги высоко не поднимались и неслись над самой землей. Эрих намного опередил Дельту, и Яре приходилось его придерживать, чтобы он совсем не оторвался.

Равнина, над которой они летели, становилась каменистой. Из земли выглядывали цепочки валунов, напоминавшие зубцы на спине окаменевшего дракона. Яра ясно различала впереди длинную скальную гряду, похожую на подкову.

Здесь было уже светло, но как-то неокончательно, точно ранним утром. Воздух становился суше. Яре казалось: она скачет навстречу огненному ветру, однако эта мысль была ей, ослабленной и опустошенной болотом, не страшна, а радостна. Теперь уже и ей приходилось то и дело вытирать пот. Денис же сидел в седле только потому, что не определился, в какую сторону ему упасть.

Яра замедлила Эриха, давая ему остыть. Вспомнив, что его задели из шнеппера, осмотрела рану и с облегчением обнаружила: не опасно. Кровь подсохла, а здесь, на двушке, царапина затянется за час-два.

Подлетев ближе к скалам, Яра спутала пегу передние ноги и коротким ремешком связала основания крыльев. Эрих есть Эрих. Сосна, к которой она его

привязала, была молодой. Яра ей не слишком доверяла.

– Отдыхай! Ты уже поработал. Теперь моя очередь! – сказала она и, ослабив подпруги, отстегнула от седла саперную лопатку.

Перед Ярой начинался песчаный склон. Постепенно набирая крутизну, он упирался в скалу со множеством трещин.

Показалась отставшая Дельта. Последний отрезок хитрая старая кобыла не летела, а тащилась. Она по опыту знала, что ее сейчас привяжут.

– Первая гряда. Скалы Подковы. Это и есть наш прииск. Здесь есть и другие, но для этого пришлось бы переваливать хребет, – крикнула Денису Яра.

Денис сполз с Дельты. Его взмокшее лицо стало менее зебровидным. Границы стерлись, красное местами переходило в розовое.

– Не ложись, а то потом пинками себя не поднимешь! – предупредила она.

Денис достал саперку. У него она оказалась складной, с инициалами, которые он, как злостный собственник, выжег на ручке. Денис попытался стащить с нее фиксирующее кольцо, но выронил лопату. Наклонился, схватил другой рукой и зажал между коленями, надеясь закончить поединок с кольцом. Кольцо глумилось – оно охотно прокручивалось, но оставалось на одном месте.

– Что случилось? – удивилась Яра.

Денис поднял правую руку. Яра увидела, что две крайние костяшки разбиты, а пальцы непрерывно вздрагивают.

– Как ты ухитрился? – изумилась она.

Оказалось, о переднюю луку. Денис неосторожно откинулся назад, а когда Дельта резко коснулась скал копытами, его швырнуло всей тяжестью на собственную кисть.

– Буду копать левой, – сказал он, убеждая сам себя.

Яра молча забрала у него саперку, разложила ее и зашагала по склону.

Нерпи сияли, ощущая близость закладок. Красноватый песок не проваливался под ногами, а давал узкую трещину по форме носка обуви. Изредка попадались участки с белым песком, который наносило перед большими камнями. По пологому склону Яра и Денис поднимались быстро, однако вскоре стало заметно круче. Приходилось взбираться, опираясь на руки.

Яра карабкалась, высматривая на скалах и камнях шныровские знаки. Знаков она сегодня встречала мало. Только закорючка на сбитой саперкой коре, предупреждающая: «Пегов не привязывать!» Может, почва проваливается? Кто его знает! Опытный шныр всегда поверит предупреждению и не станет испытывать судьбу.

Денис часто останавливался, присаживался на корточки и отдыхал. Воздух он уже не втягивал носом, а заглатывал ртом, как рыба.

– Как ты? Совсем плохо? – спросила Яра.

Денис прохрипел, что лучше не бывает, и Яра поняла, что от дальнейших расспросов стоит воздержаться. В таком состоянии людей лучше не жалеть. Бывают моменты, когда даже дружеская рука, участливо положенная на плечо, способна сломать хребет.

– Через пять минут – козырек. Осталось чуть-чуть! – сказала Яра в сторону, будто сама себе.

Денис кивнул, притворяясь, что ему безразлично.

«Козырек» оказался узким, шагов в двадцать, карнизом под отвесной скалой. Отдельные камни и целые оползшие пласты говорили о частых обвалах. Скала была непрочной, неоднородной. В ней угадывались спрессованные песок и ракушки. Многие куски легко разламывались в пальцах и крошились.

Прикинув, откуда лучше начать, Яра прошла несколько шагов. Остановилась и, показывая, что они добрались, уронила саперку. Лопатка воткнулась, но ушла неглубоко и, плеснув песком, завалилась.

Денис скользнул тоскливым взглядом по бесконечному карнизу.

– И где здесь закладки?

– Везде. Иногда прямо под ногами. Но больше всего их на глубине по пояс – по грудь. Не знаю почему. Может, тогда скала крошилась больше?

Мальчишеским движением Яра вытерла нос и, опустившись на колени, вонзила саперку в песок. Рыли они долго. Песок вскрывался пластами, но под ним начиналась слежавшаяся глина. Временами саперки что-то цепляли и звякали, высекая сухие искры. Нужно было останавливаться и, расчищая глину, смотреть. В большинстве случаев это оказывался камень.

Денису приходилось тяжелее, чем Яре: копать ему приходилось одной рукой.

– Давай копать буду я, а ты вгоняй саперку в щели и расширяй их! – предложила Яра, забыв, с кем имеет дело.

– Отстань. Я не устал! – Демонстрируя, что отлично справляется, Денис ударил саперкой с такой силой, что отколовшийся камень рассек ему верхнюю губу, едва не выбив зуб.

Первый час Денис атаковал глину с нетерпением, радуясь каждому звяканью лопатки. Однако после множества неудач радость ожидания притупилась. Дыхания не хватало. В груди вместо сердца ворочался камень с острыми краями. Теперь Денис скорее досадовал, когда слышал очередной звякающий звук. Спина затекла. Он часто останавливался и вскидывал голову. Взгляд терялся в бесконечной отвесной скале, то рыжеватой, то желтой, то почти белой.

Сколько он думал о двушке! Чего себе только не представлял, пока проходил подготовку в ШНыре! А тут только глина, песок и камень.

Яра по грудь стояла в яме, которую выкопала за последние два часа и, не углубляясь, расширяла ее короткими ударами. Водянки на ладонях еще не проявились, но уже угадывались по особому ощущению и покрасневшей, чуть отошедшей, с белыми пузырьками коже.

Денис наудачу воткнул саперку шагах в трех от основного раскопа и потянул на себя. В отвалившемся пласте земли что-то плеснуло светом. Денис наклонился и поднял облепленный глиной кусок скалы размером с кулак. Одна его грань была очищена ударом лопаты. Денис размахнулся, собираясь пустить камень вниз по склону.

– Стой! – завопила Яра, животом выползая из ямы.

Отобрала у растерянного Дениса камень и саперкой стала осторожно соскребать глину. Денис забегал то с одной стороны, то с другой. Присаживался на корточки, мешался, цеплял лбом ручку ее саперки.

– Сгинь! Ты же ее выбросить хотел! – весело крикнула ему Яра. – Не мельтеши рядом со шныром, когда он держит закладку!

Сияние становилось ярким, настойчивым. Яра щурилась, берегла глаза. Внутри скалы вспыхивал синий цветок, сотканный из живого, трепетного огня. Маленький, похожий на колокольчик. Как он попал в скалу и вырос там – загадка. Яра больше не соскребала глину. Она держала камень в руке и непрерывно подбрасывала его, точно он был очень горячим.

– Хорошая закладка. Сильная… Только вот синяя, – добавила Яра с сожалением.

– А чего плохого в синей? – напрягся Денис.

– Ничего. Но сегодня нам нужна другая. Синие закладки – таланты и способности. Например, хозяин этой будет сутки напролет, не уставая, заниматься любимым делом. И никогда не разочаруется, не обвиснет, не опустит рук, хотя бы вокруг были одни препятствия.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Денис.

– Она сказала.

– Словами, что ли?

– Нет, конечно. Но пока держишь закладку, чувствуешь, что она такое.

Яра наклонилась и опустила закладку на плоский обломок скалы, прочерченный коричневыми трещинами.

Денис вопросительно посмотрел на нее.

– Положила, чтобы не началось слияния. И подбрасывала для этого же. Не хочу себя дразнить. Если я ее оставлю, двушка никогда меня больше не впустит.

– Почему?

– Брать для себя нельзя, – объяснила Яра.

Вопросы Дениса ее не удивляли. Раньше он знал все в теории. Но что такое теория? Картонная папка, в которой лежит практика.

– А если ты для меня, а я для тебя? – предложил Денис.

– Не прокатит. Или ты шныр, или не шныр, – уверенно сказала Яра.

Денис присел, любовно разглядывая закладку. Цветок притих. Он горел, но уже не так ярко, как в руках у Яры. Отдыхал.

– Собираешься оставить ее здесь?

– Скажем так: она в резерве. Если не найдем того, за чем нас послали, – захватим ее с собой, чтобы не возвращаться налегке, – сказала Яра с колебанием.

Колебалась она потому, что пыталась вспомнить устав: имеет ли право проводник взять с собой закладку, когда сопровождает новичка. Нырков у нее было немало, но до этого момента она всегда действовала строго по заданию.

– Но нас же сегодня двое! – сказал Денис.

– Мало найти закладку. Надо еще пронести ее через болото. Надежней всего получается с той закладкой, за которой тебя послали. Она тебе по силам. Если

закладка больше твоих возможностей, лучше не нарываться, – объяснила Яра серьезно.

– Хочешь сказать, эльбы знают, какую я несу закладку? – недоверчиво спросил Денис.

Яра не ответила. Только посмотрела на него.

– Сколько лет этому цветку? – внезапно спросил Денис.

Яра пожала плечами. Ее это никогда не занимало.

– Много.

– Хотя бы какой порядок? – допытывался он.

– Сто миллионов… Миллиард. Не знаю, – неосторожно ответила Яра.

Глаза Дениса округлились. Яра забыла, какое значение для мужского сознания имеют цифры.

– Это не совсем цветок. Ну то есть не такой, как сосны, трава. Они исчезают, сменяют друг друга, а он вечен, – добавила Яра, точно оправдываясь.

Закладка, к которой никто не прикасался, почти погасла. Но Яра знала: если возьмет камень и будет держать не отпуская, цветок разгорится так ярко, что расплавит скалу. Потом закладка сольется с ней и отдаст ей свой дар.

– А закладка всегда цветок? – спросил Денис.

– Смотря какая. Синяя чаще всего растение: гриб, мох, ветка. Иногда окаменевший плод. Я персик находила, сливу. Алая закладка – а мы сейчас ее ищем – что-то вроде земляники внутри камня. Алые я больше люблю. Они всегда подходят. За синими же по десять раз нырять приходится, пока найдешь подходящую…

По своей потребности все ощупывать, Яра провела рукой по идущей ввысь скале. Скала была шершавой, как дерево, но в ней не ощущалось жизни.

– Закладки – они как отдельный мир, независимо текущий внутри двушки. Однажды Ул видел муравья, – сказала Яра.

– И что он делал?

– Муравей? Что и все муравьи. Полз.

– Полз? – переспросил Денис недоверчиво.

– Просто проползал камень. Насквозь. Очень просто и деловито. Может, он уже пять тысяч лет ползет. Или сто тысяч лет. Или больше. И когда-нибудь выползет. Настоящий живой муравей, сияющий, как маленькое солнце.

– Ул его взял?

– У него было другое задание. А когда он вернулся за муравьем через несколько дней, уже не нашел его.

– А чем мог быть этот муравей?

– Чем угодно. Живая закладка – всегда загадка.

Яра подняла саперку и, спустившись в раскоп, стала расширять его короткими ударами. Она по опыту знала, что так получается быстрее. Когда ей попадались камни, она очищала их, наскоро осматривала и отбрасывала. Она старалась двигаться по направлению к месту, где Денис нашел самородок.

Надеясь на повторение удачи с цветком, Денис втыкал саперку где придется. Яра качала головой. Денис напоминал ей человека, откусывающего хлеб прямо от батона и в разных местах.

– А зачем обязательно рыть? А если лететь вдоль скалы на пеге и высматривать закладки прямо в толще? Вдруг они где-то с краю? – внезапно предложил он.

Яра улыбнулась. На первых порах все обожают генерировать идеи. И она так же начинала. Динамит, шахта, рудник. Какие только блестящие мысли не посещают человека, которому надоело работать саперкой! Стоя на коленях, она равномерно раскачивала лопатку, наблюдая за узким потоком бегущей из трещины земли и глины.

– В толще их не увидеть. Нужно, чтобы закладка отозвалась. А отзывается она на прикосновение. А так скала себе и скала, – пробурчала она.

Денис отвернулся.

Долго они работали в молчании. Справа от раскопа валялась уже целая куча выброшенных камней. Осколок одного из них Яра ухитрилась вогнать себе под ноготь. Завязала палец платком и, слушая пульсацию боли, продолжала искать. Боль отбивала ей ритм. Укол боли – тычок саперкой. О Денисе она вспомнила не скоро. Тот двигался как сомнамбула, выронил саперку и нашаривал ее на земле.

Яре стало жаль его.

– Я ноготь сбила. Давай отдохнем немного, – предложила Яра, зная, что по-другому он не согласится.

Денис перестал искать лопатку и повернул к ней голову. Яра почувствовала, что ему хочется сказать: «У меня пальцы сплющены, а у тебя какой-то ноготь!»

Она вылезла из раскопа и легла на спину. Над ней бугрилась скала, снизу похожая на мятую акварельную бумагу. По скале пробежал небольшой камень и упал на козырьке.

– Там, за грядой, громадная долина. Прозрачные деревья из живого стекла, растущие на воде. Летающий папоротник. Он цепляется к конскому хвосту и дрейфует с ним вместе, – сказала Яра мечтательно.

– Ты сама видела? – недоверчиво отозвался Денис.

Он не лежал, а сидел, нянча больную кисть.

– Ул рассказывал. Я туда не доныриваю. Глаза слезятся, уши начинает давить. Света там гораздо больше. И запахи, и звуки – всё плотное, осязаемое. Кажется, что и звук, и запах можно ощупать. Представляешь: потрогать звук руками! А цвета! Такое красное, что обжигает глаза. Или такое зеленое, что вообще оторваться не можешь. А синее тебя точно переворачивает… А вдали горы – белые, со снежными шапками.

– Еще одни горы? А за теми горами кто-нибудь бывал? – спросил Денис.

Яра поднялась и спрыгнула в раскоп. Теперь боль грызла палец медленно, с наслаждением. Денис, запоздало попытавшийся начать собственный раскоп, быстро выбился из сил и, спрыгнув, работал рядом. Саперку он держал как меч и так замахивался, что Яра опасалась за свою голову.

Через четверть часа Яра ощутила в горле металлический привкус. Коснулась носа тыльной стороны руки и увидела пятнышко крови.

– Нам пора! Время нырка заканчивается, – хотела сказать она, но в этот момент Денис вскрикнул.

В первый момент Яра решила, что он ударил себя саперкой по руке, которую для равновесия выставил далеко вперед. С его ловкостью это был бы закономерный исход. Но нет. Отбросив лопату, Денис, раскачивая, высвобождал средних размеров камень. Наполовину очищенный косым ударом саперки, камень горел так, что алые сполохи были повсюду: и на отполированной до блеска железке, и на потном лице Дениса. Не верилось, что эти сполохи исходят всего лишь от трех мелких ягод, находящихся внутри.

– Три «земляники»! Тебе сегодня везет! Первый нырок – и две закладки! – обрадовалась за него Яра.

То, что это она вырыла огромную яму и, по сути, проделала всю подготовительную работу, не имело никакого значения. Главное – доставить закладку в ШНыр.

Денис жадно ощупывал камень здоровой рукой. Лицо у него было ошеломленное. Закладка разговаривала с ним на бессловесном языке состояний.

– Прячь закладку в рюкзак! – приказала Яра.

Денис непонимающе оглянулся на нее.

– А? Что? – переспросил он. Яра поняла, что он ее даже не слышал.

– Не держи закладку! Возвращаемся! Задание выполнено. – Яра потянула его за рукав.

– Да! Всё! Уже! – точно очнувшись, сказал Денис.

Путаясь в лямках, он торопливо стянул с плеч маленький кожаный рюкзак и сунул руку внутрь. Яра, по своему опыту знавшая, как трудно расстаться с первой закладкой, с облегчением перевела дыхание. Она стала вылезать из ямы, но тут Денис вытащил из рюкзака ладонь и… она снова увидела камень. Трех красных ягод было не разглядеть. Теперь казалось, что весь камень – одна огромная пылающая ягода.

– Ну хорошо. Я опущу ее в рюкзак. А что потом? – спросил Денис.

Яра застыла, с тревогой глядя на него.

– Спасешь девочку, – напомнила она.

– Да, знаю, – сказал Денис нетерпеливо. – Но расскажи подробнее!

– Двушка – мир более глубокого залегания, – торопливо заговорила Яра. – Помнишь: до нырка мы казались себе менее реальными, чем пеги? Это оттого, что давление нашего мира меньше. Наш мир еще не отвердел, не сложился. Он бурлит, там волны, а здесь в глубине все улеглось. Что происходит, когда опускаешься на дно и цепляешь воздушный пузырь?

– Всплывает.

– И закладка всплывет, но не одна, а с тобой вместе. Ты проведешь ее через болото. Там, в мертвом мире, у тебя будут пытаться ее отнять. Если закладка тебе не по силам, ты проходишь болото медленно. Эльбы сообщают ведьмарям

точку твоего выхода, и те поджидают тебя на гиелах. Но, надеюсь, все обойдется. В ШНыре ты отдашь закладку Кавалерии. И… честно говоря, не знаю, что потом. Знаю, что закладка сама все устроит.

В зрачках Дениса отражались красные сполохи. Яре они резали глаза, и она не понимала, как новичок может смотреть на закладку не моргая.

– А со мной что? – спросил Денис резко.

– Станешь шныром. Возможно, несколько часов у тебя будет болеть голова. Тошнота, резь в глазах, кашель. За то, что ты принес закладку и не оставил ее себе, тебе придется заплатить. Но и это тоже часть пути шныра. – Яра говорила быстро, захлебываясь в словах. Дорога была каждая секунда.

Денис смотрел то на камень, то на Яру. Его пальцы начали разжиматься, но внезапно снова сомкнулись.

– Отдай его мне! – попросила Яра. – Тебе станет легче. В первый раз всегда тяжело и больно.

Денис нервно засмеялся.

– Отдам. Конечно, отдам!.. Думаешь, оставлю у себя?..

– Я так не думаю, – поспешно заверила его Яра.

Она жалела уже, что об этом заговорила.

– А зачем ты это вообще сказала? – забормотал Денис. – Считаешь, я только говорю, что отдам, а сам не отдам? По-твоему, я не хочу, чтобы девочка была здорова?

– Да верю я, верю. Только разожми пальцы! – поторопила его Яра. – В рюкзак я могу положить и сама.

Денис облизал губы. Пальцы дрожали. Он почти выпустил камень, но в последнюю секунду на лице мелькнуло подозрение.

– Почему ты хочешь забрать мою закладку? Откуда я знаю, что ты вернешь ее в ШНыр? Может, и нет никакой девочки? Я сломал пальцы, меня чуть не прикончили в болоте! – Его голос сорвался. – Какие гарантии, что Кавалерия не оставит мою закладку себе? Что она не оставляет себе все закладки?

Яра молчала. Отвечать бессмысленно. Лицо Дениса исказилось. Он вскинул руку и решительно, точно пытаясь сорвать с себя лицо, провел по коже.

– Сам не знаю, что говорю. Я не хочу никому зла! Отдам, но чуть позже, – сказал он больным голосом.

– Отдай сейчас! Пожалуйста! – настойчиво повторила Яра.

– Несколько минут дела не решают, не так ли? Думаешь, я сам не смогу принести закладку в ШНыр? Вы все можете, а я один нет? – Денис вновь начал раздражаться.

– Конечно, можешь. Но чем дольше она останется у тебя, тем…

– Чушь! Это мое задание! Меня за ней послали!.. МЕНЯ! Понятно, что тебе легко, а мне нет! Откуда тебе знать, что это такое? У тебя сердце, как у молодой кобылы!

Яра осознала, что так будет продолжаться бесконечно. И чем дальше, тем хуже. Она смотрела уже не на лицо Дениса, которое то прояснялось, то делалось упрямым, а на его пальцы. Камень постепенно погасал. Алое сияние переползало на запястье, ногти пылали, точно охваченные огнем.

Притворившись, что завязывает шнурки, Яра присела, а затем прыгнула на Дениса кошкой. Ей удалось вцепиться парню в кисть, но он ударил ее основанием правой ладони в подбородок. Яра упала.

– Хотела меня обмануть? ДА? ДА???

Яра сидела на песке и смотрела на закладку у него в руке.

– Прости, что я тебя ударил… Я никогда раньше не поднимал руку на… Зачем ты прыгнула? – опомнившись, виновато забормотал Денис.

Яра молча поднялась и, шатаясь, пошла к пегам. Денис догнал ее, толкнул в плечо и легко сбил на землю. Яра ощутила, что он стал гораздо сильнее. Неловкость и хаотичность движений исчезли.

– Обожди! Я отдам! Но зачем, скажи, зачем? – крикнул Денис.

– Мы должны, – замороженно откликнулась Яра.

После удара она была как в тумане.

– Кому должны? Это мы нырнули сюда! Своими усилиями! Как смертники!

Яра встала и снова пошла к пегам. Больше Денис не сбивал ее с ног, только преградил дорогу. Сияние охватило всю его руку до кисти и тонкими струйками поднималось к локтю. Цыплячья грудь Дениса налилась силой. Правое, провисшее плечо поднялось. Денис даже стал выше, ненамного, но все же ощутимо. Яра поняла, что силой ей закладку не отнять. Слишком поздно.

– Да стой же ты! Я только хочу понять! – крикнул он с отчаянием. – Эта закладка поможет только…

– Любе, – оборвала его Яра.

– Какой Любе?

– Ты что, забыл? У девочки есть имя.

Он споткнулся об имя и поморщился.

– А, ну да! Ясно. Только ей и больше никому?

– Да.

– Но этого же мало! Сколько на свете больных детей? А мы поможем только одной! Это нечестно! Решено! Я сразу же ныряю глубже, за скалы! Там я найду другую закладку, вдесятеро сильнее этой! Вылечу от сердечных болезней десятки людей, сотни! – Денис говорил лихорадочно, с жаром, все больше веря в свои слова.

– Слушай, – устало сказала Яра. – Мы не должны лечить все человечество! Не знаю почему, но не должны. Это не наша мера. Наше задание – конкретная девочка, которой сейчас три месяца… Если ты оставишь закладку у себя, тебе никогда больше не попасть на двушку. Не только за скалы, но даже и сюда.

Денис и верил ей, и не верил.

– Ты многого не знаешь! – продолжал он, оправдываясь. – Я никогда об этом никому не говорил… Мне в детстве сделали три операции на сердце. Три! Мне нельзя целой кучи вещей. Знала бы ты, чего мне стоило научиться ездить верхом! Я десять метров пробегу и уже задыхаюсь… И тут меня, точно издеваясь, посылают за закладкой для сердца!

– Ясно, – тихо сказала Яра.

– Что тебе ясно? Что? – взорвался Денис.

– Почему именно тебе поручили достать эту закладку. В первый раз шныр всегда проверяется на максимальной боли. И с Улом так было, и со мной.

– Это нечестно! – упрямо повторил Денис. – Я мог бы нырять вдвое лучше, если бы был здоров. А если сделать так… Эту я оставлю себе, а девочке отдам другую? Которую найду в следующий раз? А?

– Следующего раза не будет, – сказала Яра, разом обрубая все его надежды.

– А если… – осторожно начал Денис.

– Не «если», – горько сказала Яра. – Ты что, не понял? Никаких «еслей» нет. Это двушка.

Денис шагнул к ней, надеясь что-то объяснить, но внезапно остановился и наклонил голову, словно прислушиваясь к себе.

– Я же сейчас волнуюсь? А когда волнуюсь, я задыхаюсь, – вспомнил он озадаченно.

Согнув в локте руку, Денис с удивлением сжал и разжал правую кисть. Боль из костяшек ушла. Пальцы наполняла легкая координированная сила. Он бросился к мелкой лужице, опустился на четвереньки и стал смотреть.

– Ты больше никогда не будешь задыхаться, – сказала Яра.

Денис поднялся. На коленях у него остались глинистые кляксы.

– На меня всегда смотрели как на урода! Все! Девушки, с которыми я хотел бы встречаться, улыбались мне, как старику или больной кошке! – бормотал он, оправдываясь.

Яра коснулась согнутой ладонью носа. На тыльной части руки задрожала красная капля.

– Прости! Мне надо к пегам, – сказала она.

Денис не задерживал ее. Он бежал рядом. Опережал, останавливался, оборачивался.

– Ведь эта закладка теперь во мне, так? – повторял он. – Выходит, я теперь обладаю даром! Закончу медицинский институт, стану хирургом!.. Да отдам я эту закладку, отдам!.. Не смотри на меня так!

Яра на него и не смотрела. Только раз мельком взглянула на руку с закладкой. Камень был тусклым. Его смело можно было выбросить. Но Денис, конечно, ей не поверит и потащит бесполезный булыжник с собой.

Яра добралась до пегов. Эрих нетерпеливо ржал и прихватывал зубами рукав ее куртки. В седло она забралась с трудом, ощущая ватную слабость в ногах.

Денис, напротив, вспрыгнул на Дельту легко, как кузнечик. О существовании стремян он даже не вспомнил. Теперь он снова доказывал, что никакой Любы нет, а просто он не дал себя одурачить. Яра это уже слышала. Самооправдания всегда ходят по кругу, пока не остановятся на одном каком-то аргументе, который кажется тому, кто защищается, максимально убедительным. Через день Денис и сам себе поверит. У него просто выхода другого нет.

Яра развернула Эриха к Скалам Подковы.

– Ты куда? – удивился Денис.

– На ту сторону. Попытаюсь найти красную закладку. Ул говорит, там их гораздо больше. Другого шныра уже не послать. Операция сегодня.

– Да нет никакой маленькой идиотки! Ты что, не поняла? Нас используют!

– Прощай!

Яра подняла саперку и, сбив с сосны кору на участке размером с ладонь, острой частью лопаты начертила шныровский знак: круг и крест. Круг получился неровным, лишь намеченным, но это и не важно. Кому нужно – поймет.

– Ты меня бросаешь? Ты мой проводник! – всполошился Денис.

– Проводник тебе больше не нужен. Дельта знает обратную дорогу, а через болото ты пройдешь легко. Отнять можно только ту закладку, с которой не произошло слияния. Эльбы об этом знают и не станут сообщать ведьмарям точку твоего выхода.

На куртку Яры упала еще одна красная капля. Надо спешить. Никто не знает, когда ее окончательно оставят силы.

Яра прикрикнула на разленившегося Эриха и сразу перевела его в галоп. Проскакав метров тридцать по набиравшему крутизну склону, конь поднялся на крыло. Высоту он набирал медленно. Яра сидела в седле нетвердо, болтаясь от крыла к крылу. Ей было больно, душно, тоскливо, но сквозь смертельную усталость проступало что-то новое, пока неясное ей самой.

Она слышала, как за ее спиной Денис кричал на Дельту, колотил ее пятками, бил хлыстом. Старая кобыла рвалась, пыталась скакать, однако ни на метр не могла продвинуться к скалам. Нечто незримое удерживало лошадь у сосны.

«Хорошо, – подумала Яра. – Синей закладки, которую мы нашли первой, ему уже не взять. А то, пожалуй, он это бы сделал».

Больше Яра не оглядывалась. Она знала, что ни на пеге, ни пешком, ни ползком двушка не допустит Дениса к скалам. Возможно, пройдет еще немало времени, прежде чем Денис окончательно осознает, что направление движения у него теперь только одно – к болоту.

И он это понял. Опустил хлыст и, развернув измученную Дельту, полетел туда, где рассвет, вопреки привычному течению вещей, переходил в холодные глухие сумерки. Он летел и, проклиная все на свете, против своей воли вспоминал маленькую фигурку, удаляющуюся в направлении Скал Подковы.

Глава 3

«Гоморра» принимает гостей

Пять месяцев спустя

Чем тверже орех души, тем сильнее надо стучать им о камень, чтобы добраться до мякоти.

Анри Альфонс Бабу, кенийский мыслитель

Скатываться вверх нельзя.

Закон всемирного тяготения

В апрельский вечер 201* г. известный плавучий ресторан с заигрывающим названием «Гоморра», расположенный в тихом парке у Москвы-реки, не

принимал посторонних с пяти вечера.

Обширная автостоянка перед «Гоморрой» была оцеплена. Крепкие мужчины в строгих, не сковывающих движения костюмах подходили к подъезжающим машинам и вежливо просили их не парковаться.

Автомобили разворачивались. Кое-кто успевал заметить, что центр площадки занимает грузовичок с опущенными бортами. В кузове помещается нечто громоздкое, зачехленное.

Прогоняли, однако, не все автомобили. Некоторые пропускали, причем те, кто сидел внутри, не показывали пропуска, только приоткрывали стекло.

Далеко не все «одобренные» охраной машины были представительского класса. Среди них попадались и старые иномарки, и мятые «Жигули», и нейтральные микроавтобусы. Ближе к семи вечера единой группой подъехало восемь мотоциклов.

Другая любопытная деталь состояла в том, что и из лихих праворульных «Тойот» с трещинами на лобовом стекле, и из безумно дорогих «Порше», и из глухо тонированных внедорожников, и из микроавтобусов всегда выходило строго по четыре человека. Каждая четверка держалась слаженно и по грохочущим металлическим мосткам, ведущим в «Гоморру», поднималась как единый организм.

Четверки были разномастными. Мускулистые здоровяки попадались не так уж часто. Хватало и женщин, и стариков, и девушек, и молодых людей, по виду студентов.

На стоянке – вытянутом асфальтовом поле, разбитом на блоки круглыми клубами-близнецами – прибывавшие машины вставали большими группами. В каждой по тридцать автомобилей и еще один впереди. В средней группе две машины заменялись восемью мотоциклами.

Нарушив четкую геометрию, могучий «Хаммер» промчался мимо удивленного охранника, указывающего ему место для парковки во главе центрального стада автомобилей, и, пролетев метров сто, протаранил бок новенького «Бентли». От удара «Бентли» дважды прокрутился на месте. Передние колеса слетели с

берега, но машина не свалилась, а крепко повисла на днище.

Из водительской двери «Хаммера» выбралась девушка лет шестнадцати, бойкая и хорошенькая. Чем больше ты в нее всматривался, тем больше недоумевал, хотя, казалось, вся она на виду. Чтобы составить о мужчине начальное и вполне прочное впечатление, нужно десять минут. Чтобы о девушке – две секунды. И еще две, потому что обязательно окажется, что ты понял все неправильно. И еще две… И еще… Причем последние две секунды обязательно упрутся в бесконечность.

Девушка подошла к «Бентли», оценивающе толкнула его ногой, а затем снова вернулась в «Хаммер» и начала сдавать задом, намереваясь опрокинуть «Бентли» в реку.

– Аня, перестань! – потребовал недовольный голос из «Хаммера».

– Но пап!.. – запротестовала девушка. – Это же машина Тиллей! А они ко мне, между прочим, приставали!

– Все равно прекрати! Я запрещаю!

– Но пап! Я ее только добью и сразу прекращу!

– АНЯ!

«Хаммер» сердито остановился. Раздосадованная девушка выскочила и повернулась к машине спиной, показывая, что крайне обижена. Вслед за ней из «Хаммера» выбралась вторая девушка, года на три постарше. Она подошла сзади и, опустив первой руку на плечо, что-то негромко сказала. Аня дернула плечом. Не обращая на это внимания, старшая продолжала говорить. Немного погодя Аня засмеялась, схватила ее за запястье и нетерпеливо потянула к «Гоморре».

– Бежим! Тебе будет весело! – пообещала она.

– Посмотрим, – ответила та, что старше.

Заметно было, что она сомневается.

Из задних дверей «Хаммера» вылез суховатый, высокий и сутулый мужчина в черном костюме, держащий большой старомодный зонт с загнутой ручкой. Выпиравшие лопатки мужчины и форма ручки зонта удивительно повторяли контуры друг друга. До такой степени, что в неверном вечернем свете могло показаться, что это зонт несет человека или два зонта несут друг друга… В общем, мало ли что померещится в неверном вечернем свете?

К нему подскочил начальник охраны, плотный мужчина с кошачьими повадками и глазами бульдога.

– Альберт Федорович! – бульдожеглазый попытался улыбнуться, но потерял улыбку в щеках: – Все на месте! И Белдо и (смущенный взгляд на «Бентли»)… э-э… Тилли. Ждут только вас!

Мужчина с зонтом остановился. Повернулся. Бесцветные и плоские рыбьи глаза встретились с собачьими. Бульдогу стало не по себе. Трусливых пираний не бывает. Трусливые бульдоги изредка, но встречаются.

– И Гай ждет только меня? – спросил он недоверчиво.

– Гая еще нет.

– С этого и надо было начинать! Работайте, Второв! Проявлять дружелюбие не входит в ваши непосредственные обязанности!.. Аня, идем!

Мужчина с зонтом оглянулся на девушек и направился к теплоходу. Зачавкал опирающийся на высокие буйки железный мостик. Из-под мостика выплыла пустая пластиковая бутылка и медленно повлеклась течением, ударяясь о борта.

Раздвижные двери «Гоморры» открылись и закрылись. К бульдожеглазому подскочил молодой охранник из нового набора.

– А кто это на «Хаммере»? Сам Долбушин? – возбужденно спросил он.

Начальник охраны подозрительно посмотрел на него, проверяя, не слышал ли тот, как на него прикрикнули. Нет, не слышал. Или притворяется, что не слышал.

– Долбушин, глава второго форта! – сказал он неохотно.

– А машину Тиллей кто протаранил? Его дочь?

– Он редко ее привозит. – Второв поморщился, точно у него разом заболели все зубы. Он представил, что ему придется объяснять Тиллю-старшему, чем занимался он сам, пока «Хаммер» вбивал в реку его автомобиль.

– А-а… – протянул молодой. – А девчонка ничего себе. Я бы не отказался.

– Ее отец тоже не отказался бы тебя пристрелить, – уточнил Второв.

Молодой задиристо хмыкнул.

– А вторая кто?

– Первый раз вижу, – сухо сказал Второв. – Может, подруга дочери. Может, кто из нового набора.

– А-а… – снова протянул молодой. – А чего Долбушин с зонтом? Намокнуть боится?

– А ты встреться с ним как-нибудь в переулке. Ты с арбалетом, а он с зонтом, – раздраженно посоветовал бульдожеглазый и, в знак того, что разговор закончен, сделал шаг к реке.

Долбушин с дочерью скрылись в «Гоморре» где-то в семь тридцать. Без четверти восемь Второв с беспокойством прижал наушник пальцем, отрывисто ответил кому-то и подал своим знак. Охрана засуетилась. Двое подбежали к джипу и, запрыгнув в кузов, сдернули брезент. Под брезентом оказался устрашающих размеров боевой арбалет.

Один из вскочивших в джип мужчин – смуглый, с крепкой, похожей на арбузную корку лысиной – припал к прицелу и неотрывно смотрел на красную светящуюся

точку. Кончик его высунутого, с синеватой изнанкой вен языка напряженно скользил по губам.

Его напарник – коротко стриженный, со сложной паучьей татуировкой от запястий и до локтей – привел в действие пневматический ворот и вложил в желоб стрелу с трехгранным наконечником. По форме это была именно стрела, а не более короткий и массивный болт.

– Расчетное время: тридцать… двадцать пять… двадцать… – бубнил он, неотрывно глядя на запястье. Часы не вплетались в татуировку, нарушая ее замысловатый рисунок.

Красная точка коллиматорного прицела тыкалась в разрывы бесконечной, фиолетовой ватой накрошенной тучи, неспешно ползущей в направлении Печатников. Указательный палец с сизой от усилия фалангой застыл на спуске. Бульонные капли пота на арбузной лысине сливались в острова и континенты.

Внезапно в наушнике стрелка задребезжал голос, точно склеенный из множества осколков. Голос втискивался в уши, резал мозг.

– Да, Гай!.. – не отрываясь от прицела, доложил арбалетчик. – Наблюдатель в Строгине засек его пятьдесят секунд назад. Летит предположительно в нашу сторону. Да, похоже, тот самый чокнутый, который… Ауф!!! Вот он!

Стальные «плечи» арбалета распрямились. Татуированный парень работал как робот. Не успела пневматика взвести тетиву, как новая стрела уже лежала в желобе.

К джипу подлетел кошачепесый начальник охраны:

– Ну как? Попал?

– Мелькнуло что-то… Вроде как не должен был промазать! – с сомнением ответил арбалетчик и внезапно пригнулся, спасая голову.

В Москве-реке метрах в пятидесяти от «Гоморры» взметнулся столб воды. Страшный, беззвучный, стеклянно-черный. Казалось, из реки вырос грозный

палец, пронзивший тучи.

В тучах стеклянный палец остановился и, раздробившись, обрушился на вздрогнувшую от удара «Гоморру». Охрану разметало по стоянке. Стрелка и его помощника сорвало с джипа, закружило и едва не утопило в мелкой, яростно бурлящей воде, сбегавшей в реку.

Начальник охраны поднялся, держась за борт джипа. С него стекала вода. На правой щеке кровь. Выла сирена. У десятка крайних машин, на которые обрушилась основная тяжесть воды, смяло крыши.

Против ожидания «Гоморра» пострадала мало. Несколько выбитых люков, продавленный купол зимнего сада, сорванный трап. Москва-река уже зализала рану и бежала как ни в чем не бывало.

Татуированный парень, прихрамывая, подошел к Второву.

– Что-то плеснуло! – сказал он неуверенно.

Под бульдожьими глазами отвисли мешки. Верхняя губа задрожала, как у скалящейся собаки.

– Плеснуло?!

– Уже после взрыва, – торопливо добавил татуированный и провел пальцем сверху вниз, точно отслеживая чей-то путь.

Второв прищурился.

– Проверь! – приказал он.

Татуированному не хотелось лезть в воду.

– Так там же течение! Если и упало чего – уже снесло!

– Проверь, тебе говорят!

Парень пошел, боязливо оглядываясь. Вскоре стало слышно, как он орет и требует лодку. Где-то за «Гоморрой» затарахтел мотор.

Второв для храбрости кашлянул и включил микрофон:

– На нас сбросили атакующую закладку… Мимо. Можете ехать, Гай! Новой закладки им сегодня не достать! – сказал Второв в микрофон.

– Уверен?

– Ручаюсь! Арбалетчики считают, что могли его сбить.

– Какой рукой ручаешься? – звякнул голос в наушнике.

Начальник охраны сглотнул. Кадык прокатился как маленькое яблоко и вновь вынырнул над воротником.

Минут через десять из парка, петляя по извилистой дороге, выползли два автомобиля. Массивный внедорожник с голубой, бесшумно всплескивающей мигалкой и сразу за ним, прилипнув к его бамперу, бронированный длинный «Мерседес».

Обе машины легко разорвали цепь охраны и подъехали к трапу «Гоморры». Двери внедорожника открылись еще на ходу. На асфальт пружинисто соскочили четверо мужчин с китайскими магазинными арбалетами армейского образца. Чем-то они напоминали деревянные ящики и вызывали вопросительную улыбку, но только у тех, кто не видел их в бою. Болты с утопленным оперением скатывались в желоб под собственным весом. Взводился арбалет движением рычага.

Арбалетчики сместились к «Мерседесу» и оцепили его. Двое присели на колено. Те, что остались стоять, выцеливали небо. Другие двое – кустарник. Второв, сизый от усердия, предупредительно открыл заднюю дверь.

Из автомобиля скорее выскользнул, чем вышел, жилистый, гибкий, невысокого роста мужчина. Поднял над головой руки. Хрустнул пальцами.

Прыгающий отблеск мигалки выхватывал из полумрака его лицо. Оно было похоже на приспущенный шар, пролежавший ночь в комнате. В мешочках, в бугорках. В одном месте вздувается – в другом непредсказуемо опадает. Рот маленький, капризный, женственный. Губы пухлые. Кажется, и чайную ложку не протолкнуть, но при улыбке рот внезапно расширяется, растягивается. И становится ясно – не только яблоко, но и весь собеседник может нырнуть туда ласточкой и исчезнуть без следа. Зубы синеватые, тесные. Волосы вьющиеся, до плеч. Глаз не видно: круглые блюдца темных очков.

Это и был Гай.

* * *

«Гоморра» (бывший трехпалубный круизный теплоход «Дмитрий Ульянов», списанный Волжским пароходством в конце прошлого века) была поставлена на вечный прикол в одном из живописных мест Москвы-реки. С тех пор она поменяла множество хозяев. Побывала и казино, и ночным клубом, и плавучей гостиницей, пока очередной владелец с фамилией Жора не открыл тут ресторан. Дела у него пошли неплохо, но потом он стал мрачен и нервозен. То смеялся по четыре часа подряд, так что к нему боялись зайти в каюту, то рыдал, то у всех на глазах резал вены и кричал, чтобы его спасли, потому что это сделал не он.

Закончилось все тем, что Жора споткнулся здесь же, на палубе, ударился головой и умер, говорят, даже до того, как упал в реку. Вскоре после похорон Жоры (крест почему-то все смутились поставить, а на камне так и написали кратко «Жора» без фамилий и дат) оказалось, что у «Гоморры» есть новый владелец, купивший ее едва ли не в день смерти старого хозяина.

Новый владелец был надушенный, с приятным голосом человек, носивший тесные костюмчики, смешные галстуки и непрерывно улыбающийся. Фамилия у него была в своем роде похлеще Жоры – Некалаев, через «е». На могилку Жоры он принес очень красивые хризантемы и долго стоял, вытирая глаза платком. Несмотря на то что он никогда ни на кого не кричал и даже безмолвную семнадцатилетнюю уборщицу называл крайне вежливо: Фариде Аязовна, официанты и повара боялись его до дрожи.

Тогда «Гоморра» и стала «Гоморрой». До этого же она называлась как-то по-итальянски, с намеком на южное солнце и томных женщин в шляпах с широкими

полями.

Отмахнувшись от Некалаева, полезшего было к нему с рукопожатием, Гай быстро прошел к лифту. Со времен своего псевдоитальянства «Гоморра» сильно переменилась внутри. Теперь на нижней палубе располагались кухня, две-три каюты для персонала и технические помещения. На второй был, собственно, сам ресторан. Третью же, верхнюю, переоборудовали для проведения VIP-презентаций и закрытых вечеринок.

Туда, на третий, Гай и направился. Некалаев, не пропущенный арбалетчиками даже в лифт, остался снаружи. В остекленных дверях закрывшегося подъемника отражалось его вежливое, ни на секунду не устающее улыбаться лицо.

Третья палуба гудела как осиный рой. Наполнял ее самый разномастный люд. Рядом с умопомрачительными костюмами от сэра Залмона Батрушки и вечерними платьями от Лауры Бзыкко соседствовали рыжие куртки дорожных рабочих, сетчатые кофты, прокуренные свитера…

В дальнем от лифта углу, отгороженном от остального зала кокетливой полустенкой с зубцами, из которых били подсвеченные струйки фонтанчиков, толпились совсем странные люди. Одни, бледные, с запавшими щеками, замедленно танцевали на одном месте. Поднимут руку и опустят, поднимут и опустят. На лицах – застывшее резиновое блаженство.

Другие, напротив, пятнисто румяные, возбужденные. Эти двигались столь стремительно, что было непонятно, как человек выдерживает такой темп. Смеялись, непрерывно касались друг друга, что-то горячо говорили. Один парень смеялся-смеялся, а потом вдруг через равные промежутки времени стал коротко и страшно вскрикивать. По знаку Долбушина его увели, крепко и ловко приняв под локти.

Сам Долбушин прохаживался с зонтиком, с кем-то здоровался, кому-то оскаливался в подобии улыбки, а кого-то просто награждал плоским взглядом. Обычно в глазах у человека, как в зеркалах, что-то отражается. Глаза же Долбушина не отражали ровным счетом ничего. Они были как черные дыры. Свет втягивался в них и куда-то исчезал.

В сторону «загончика» он взглянул только однажды и процедил сквозь зубы:

– Быдло! Совсем не умеют себя держать! И зачем им только дают псиос? Не понимаю я Гая!

Аня непрерывно щебетала. Ей приятно было находиться рядом со старшей подругой. Она искренно гордилась ею, как гордятся дорогим украшением или дружбой со знаменитостью. Хотя подруга и знаменитостью не была, и одета была в вещи из гардероба самой Ани. Правда, тут, на «Гоморре», на одежду никто особо и не смотрел. Здесь спокойно отнеслись бы даже к голому человеку в пожарной каске.

О своей подруге Аня знала немного. Только то, что зовут ее Полина и что некоторое время назад ее привел домой отец. Худую, слабую, жалующуюся на головную боль, с ожогом на правой щеке. В себя Полина приходила медленно, но вела себя независимо и просто. Ухитрялась оставаться собой в окружении, где все хотят выглядеть кем-то. С детства привыкшая к одиночеству, обучавшаяся дома и редко видевшая сверстников, Аня сразу к ней потянулась.

Долбушину это не слишком нравилось, но, в конце концов, он почти не бывал дома.

– В форте моего папы – сплошные чудаки, – щебетала Аня, дергая Полину за рукав. – Посмотри туда! Видишь того скромно одетого старичка, который рассовывает по карманам пирожные и думает, что этого никто не видит? Ему принадлежит самый большой в мире алмаз!

– Разве он не у английской королевы? – удивилась Полина.

– Нет, у нее второй или третий. Папа говорит, самый большой у этого старика. И еще папа говорит, что он не видел своего алмаза лет пятнадцать. Боится, выследят. Интересно, где он его прячет?

Полина задумчиво посмотрела на старичка, который выпачкал карман кремом и теперь поспешно стирал его рукой.

– Но если он такой богатый, почему такой обтрепанный? – спросила она.

– Кто тебе сказал, что он богатый? – удивилась Аня. – Он почти нищий. Вечно таскается по гостям. Да, у него самый большой алмаз, но денег-то нет.

– Но если он даже увидеть не может своего алмаза, почему он его не продаст? Хотя бы твоему отцу? – не поняла Полина.

– Разве непонятно?.. Тогда у него не будет самого большого алмаза в мире! – засмеялась Аня, протаскивая Полину дальше.

– А вон тот дядечка с бокалом… – зашептала она, толкая ее в бок, – слышит запах денег. Рубля, доллара, евро, любой шуршащей бумажки. Отличит запах сотни от запаха тысячи. Одного железного рубля от двух железных рублей! И все это, заметь, через бетонную стену! Но только денег! А вот рыбу от розы по запаху не отличит! Ну не пахнут они для него!

Полина с интересом посмотрела на человека, который не отличает запаха розы от рыбы. Тот улыбнулся ей и лихо, как гусар, выпил шампанское. По его шее прокатилось адамово яблоко. Бокал опустел.

– Двести два рубля четыре копейки! Одна из купюр надорвана. Аккуратнее надо, девушка! – крикнул он Полине, кивнув на правый ее карман.

Аня засмеялась и потащила Полину дальше.

– А вот ту длинную женщину видишь? – продолжала щебетать она. – Спроси у нее, какой будет курс любых акций в следующую пятницу, и, если она ошибется хоть на копейку, я подарю тебе свои туфли со стразами. Ну, которые ты назвала «турецкими тапками».

Лавируя среди гостей, подруги случайно оказались у «загончика».

– Аня!!! Здравствуй!!! Иди к нам! – крикнул кто-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/pegas-lev-i-kentavr

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити